

12+

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

ВАШИНГТОН
ИРВИНГ

РЕЙСБРИДЖ ХОЛЛ

или
МОРИСТЫ

ЛК

Вашингтон Ирвинг

**Брейсбридж Холл, или Юмористы.
Перевод Алексея Козлова**

«Издательские решения»

Ирвинг В.

Брейсбридж Холл, или Юмористы. Перевод Алексея Козлова /
В. Ирвинг — «Издательские решения»,

«Брейсбридж Холл, или юмористы» — попури, написанное Вашингтоном Ирвингом в 1821 году, когда он жил в Англии, и опубликованное в 1822 году. Этот эпизодический роман был первоначально опубликован под псевдонимом Джеффри Крейон и содержит множество романтических, сказочных и трогательных историй, посвящённых героям одноимённого английского поместья..

© Ирвинг В.

© Издательские решения

Содержание

Достойный Читатель!	6
Холл	9
Занятой Человек	11
Семейные Слуги	14
Вдова	17
Влюблённые	19
Семейные Реликвии	21
Старый Солдат	24
Свита Вдовы	26
Наличный Расчёт	28
Холостяки	31
Рассказчик Историй	37
Лесные Деревья	44
Знарок Литературных Древностей	47
Фермерский Дом	50
Симптомы Влюблённости	53
Искусство Верховой Езды	57
Хокинг	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Брейсбридж Холл, или Юмористы

Перевод Алексея Козлова

Вашингтон Ирвинг

ПОПУРРИ

*Под этим облаком я хожу, джентльмены, простите за грубость.
Я путешественник, который, осмотрев большинство уголков земного
шара, прибыл сюда, чтобы ознакомиться с этим маленьким уголком. —
ОБЫЧНОЕ РОЖДЕСТВО.*

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Вашингтон Ирвинг, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-3859-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Достойный Читатель!

Вновь беря в руки перо, я хотел бы с самого начала сделать несколько замечаний, чтобы быть правильно понятым. Уже опубликованные мной тома были встречены с энтузиазмом, намного превосходящим мои самые оптимистичные ожидания. Я бы охотно отнёс это к их внутренним достоинствам; но, несмотря на тщеславие автора, я не могу не сознавать, что их успех в значительной степени был обусловлен менее лестной причиной. Для моих европейских читателей было настоящим чудом, что человек из глуши Америки может изъясняться на сносном английском. Явление Американца в виде двуногого человека до сих пор потрясает Европейца. На меня смотрели как на диковинку из захолустья, на нечто новое и странное в литературе, что-то вроде полудикаря с пером в руке, а не на голове, и было любопытно послушать, что такое нелепое существо может сказать о цивилизованном обществе. Теперь этой новизне пришёл конец, как и, конечно, тому чувству снисходительности, которое она вызывала. Теперь я должен ожидать, что выдержу пристальное внимание более суровой критики и буду оцениваться по тем же стандартам, что и современные писатели; и та благосклонность, которая была проявлена к моим предыдущим работам, заставит относиться к ним с большей строгостью, поскольку нет ничего, за что мир был бы склонен наказывать к человеку более сурово, чем за то, что его перехвалили. Поэтому в связи с этим я хотел бы предупредить придиричивость читателя; и я умоляю его не думать обо мне хуже из-за многих неблагоприятных вещей, которые, возможно, были сказаны в моих похвалах.

Я отдаю себе отчёт в том, что часто хожу по проторенной дорожке и затрагиваю темы, которые уже обсуждались более опытными авторами. Действительно, в качестве моих образцов упоминались разные авторы, с которыми я был бы польщен иметь даже шапочное знакомство, и гордился бы, что имею хоть малейшее сходство с ними; но, по правде говоря, я пишу не по тому образцу, который осознаю, и у меня нет ни малейшего намерения ни подражать им, ни конкурировать с ними. Время от времени затрагивая темы, которые уже были почти исчерпаны английскими авторами, я делаю это не с целью оспорить сравнение, а в надежде, что эти темы, затронутые пером незнакомца, вызовут новый интерес. Поэтому, если иногда я буду с увлечением рассуждать о предметах, которые кажутся читателю банальными и обыденными, я прошу не забывать об обстоятельствах, при которых я это пишу. Поскольку я родился и вырос в новой стране, но с детства был знаком с литературой старой, мой разум с ранних лет, разумеется, полон исторических и поэтических ассоциаций, связанных с местами, нравами и обычаями Европы, но которые редко можно было применить к моей собственной стране.

Для подготовленного таким образом ума самые обычные предметы и сцены по прибытии в Европу кажутся удивительными и новаторскими. Англия для американца — такая же классическая страна, как Италия для англичанина; а старый Лондон ассоциируется с историей не меньше, чем могущественный Рим. Действительно, трудно описать причудливую смесь идей, которые приходят ему в голову, когда он оказывается среди английских пейзажей. Он впервые видит мир, о котором читал и размышлял на каждом прежнем этапе своего существования. Воспоминания о детстве, юности и возмужании, о детской, школе и учебном кабинете сразу же норовят нахлынуть на него, и его внимание переключается на большие и мелкие предметы, каждый из которых, возможно, пробуждает у кого-то столь же восхитительную череду воспоминаний. Но что особенно привлекает его внимание, так это те особенности, которые отличают старую страну и старое общественное устройство от нового. Я еще недостаточно хорошо знаком с разрушающимися памятниками и артефактами прошлых веков, чтобы притупить тот живой интерес, с которым я впервые их лицезрел.

Я сизмальства привык к сценам, где история, в некотором смысле, предвосхищалась; где все в искусстве было новым и прогрессивным и указывало скорее на будущее, чем на про-

шное; где, короче говоря, творения человека не давали никаких идей, кроме идей молодого существования и перспектив совершенствования; было что-то невыразимо трогательное в виде огромных архитектурных сооружений, посеревших от древности и приходящих в неминуемый упадок. Я не могу описать тот безмолвный, но глубокий восторг, с которым я созерцал огромные монастырские руины, подобные аббатству Тинтерн, погребённые в глубине тихой долины и отгороженные от мира, как будто они существовали сами по себе; или воинственное сооружение, подобное замку Конвей, возвышающееся посреди тихой долины. суровое одиночество на его скалистой вершине, всего лишь пустой, но угрожающий призрак ушедшей силы. Они придают пейзажу величественность, меланхолию и, на мой взгляд, необычное очарование; я впервые увидел признаки старости нации и упадка империи, а также доказательства преходящей и исчезающей славы искусства среди вечно растущего и возрождающегося плодородия природы. Но, на самом деле, для меня всё было наполнено смыслом, повсюду можно было проследить следы истории, а поэзия оведала и освящала эту землю.

Я испытал восхитительную свежесть чувств ребёнка, для которого всё в новинку. Я представлял себе состав обитателей и образ жизни каждого жилища, которое я видел, от аристократического особняка, окружённого величественными рощами и уединёнными уголками, до домика под соломенной крышей, с его скудным садом и любимой рощицей. Я думал, что никогда не смогу насытиться сладостью и свежестью этой страны, так полно покрытой зеленью, где каждая молекула воздуха дышит благоуханием пастбищ и живой изгороди, напоенной мёдом. Я постоянно натёкался на какой-нибудь маленький поэтический образчик в цветущем боярышнике, маргаритке, первоцвете, примуле или каком-нибудь другом простом предмете, получившем сверхъестественную ценность от музыки. Когда я впервые услышал пение соловья, я был больше опьянён восхитительной толпой запоминающихся ассоциаций, чем мелодичностью его нот; и я никогда не забуду тот трепет восторга, с которым я впервые увидел, как жаворонок взлетает почти у меня из-под ног и совершает свой музыкальный полёт в утреннее небо.

Таким образом, я путешествовал по Англии, повзрослевший ребенок, восхищающийся каждым предметом, большим и малым, и проявляющий удивительную неосведомленность и простое веселье, что вызывало множество взглядов и улыбок у моих более мудрых и опытных попутчиков. Такая же странная путаница ассоциаций возникала у меня, когда я впервые приближался к Лондону. Одним из моих самых ранних желаний было увидеть этот великий мегаполис. Я так много читал о нем в самых ранних книгах, которые попали в мои детские руки; и я так много слышал о нём от тех, кто окружал меня, кто приехал из «старых стран». Я был знаком с названиями его улиц, площадей и общественных мест еще до того, как узнал названия своего родного города. Для меня это был великий центр мира, вокруг которого, казалось, вращалось все сущее.

Помню, когда я был мальчиком, я с тоской рассматривал маленькую картинку с изображением Темзы, Лондонского моста и собора Святого Павла, которая была на обложке старого журнала; и фотография Кенсингтонского сада с джентльменами в треугольных шляпах и широких юбках и дамами в обручах и ламбрекенах, которая висела у меня в спальне; даже старинный портрет Сент-Джонс-Гейт, который с незапамятных времен красовался перед журналом «Джентльменз» Он показался мне не лишенным очарования, и я позавидовал странного вида маленьким человечкам, которые, казалось, слонялись под его сводами. Как же тогда потеплело у меня на сердце, когда мне указали на башни Вестминстерского аббатства, возвышающиеся над густыми рощами Сент-Джеймского парка, с тонкой голубой дымкой вокруг их серых вершин! Я не мог смотреть на этот величественный мавзолей, посвященный самому выдающемуся событию в истории нашего отечества, не испытывая прилив энтузиазма.

С каким рвением я исследовал каждую часть столицы! Меня не удовлетворяли те вопросы, которые занимают достойное исследование учёного путешественника; Мне доставляло удовольствие воскрешать в памяти все чувства детства и искать те предметы, которые

были чудесами моего детства. Лондонский мост, столь прославленный в детских песенках; знаменитый монумент; Гог и Магог и Львы в Тауэре — все это навевало множество воспоминаний о детском восторге и о старых добрых существах, которых теперь уже нет, которые сплетничали о них с моим изумленным слухом. Не обошлось и без возвращения детского интереса, когда я впервые заглянул в лавку мистера Ньюберри на церковном дворе Святого Павла, этот литературный фонтан. Г-н Ньюберри был первым, кто зародил в моем детском сознании представление о великом и хорошем человеке. Он издавал все книги с картинками того времени и из-за своей безграничной любви к детям не брал «ничего ни за бумагу, ни за печать, а за переплет — всего пенни-полпенни!» Я упомянул об этих обстоятельствах, достойный читатель, чтобы показать тебе причудливую череду ассоциаций, которые возникают у меня при знакомстве с английскими пейзажами. Я надеюсь, что они смогут, в какой-то мере, извинить меня, если меня застанут за нудными разговорами на устаревшие темы или проявлением чрезмерной любви ко всему старинному и отжившему. Я знаю, что это юмор, чтобы не сказать, что модно — разглагольствовать о старых временах, старых книгах, старых обычаях и старых зданиях; однако, насколько я могу судить, я заразился этим чувством искренне. Для человека из молодой страны все старые вещи в некотором роде новы, и его, конечно, можно извинить за то, что он немного интересуется древностями, поскольку его родина, к сожалению, не может похвастаться ни одной полноценной развалиной.

К тому же, поскольку я был воспитан в условиях сравнительной простоты республики, я склонен удивляться даже обычным обстоятельствам, характерным для аристократического общества. Однако, если я когда-нибудь захочу развлечься, указав на некоторые эксцентричности и поэтические особенности последнего, это не будет воспринято как попытка оценить его политические достоинства. Моя единственная цель — нарисовать характеры и нравы. Я не политик. Чем больше я размышлял об изучении политики, тем больше убеждался, что она полна недмолвок и лжи; и я довольствовался, как и в своей религии, верой, в которой был воспитан, регулируя свое поведение в соответствии с её предписаниями, но оставляя более способным руководителям задачу обращения в свою веру. Поэтому я продолжу следовать тем курсом, которого придерживался до сих пор: смотреть на вещи скорее поэтически, чем политически; описывать их такими, какие они есть, а не пытаться указать, какими они должны быть; и стараться видеть мир в настолько приятном свете, насколько позволяют обстоятельства. Я всегда придерживался мнения, как много пользы можно было бы принести, поддерживая хорошее настроение людей друг у друга. Я могу ошибаться в своей философии, но я буду продолжать придерживаться её, пока не убежусь в её ошибочности. Когда я обнаружу, что мир таков, каким его представляли насмешливые циники и ноющие пииты, я тоже начну его ругать; а пока, достойный читатель, я надеюсь, ты не будешь относиться ко мне легкомысленно, потому что я не могу поверить, что этот мир настолько плох, как кажется, будучи представленным так невеждами.

*Искренне твой,
ДЖЕФФРИ КРЕЙОН.*

Холл

Старинный дом, лучший для ведения хозяйства в этом графстве или в соседнем; и хотя хозяин его всего лишь сквайр, я не знаю такого лорда, как он. —

Веселые Попрошайки.

Читатель, если он ознакомился с главами этого сборника, возможно, вспомнит что-нибудь о семействе Брейсбридж, с которым я однажды отмечал Рождество. Сейчас я в очередной раз посещаю Холл, так как был приглашен на свадьбу, которая вскоре состоится. Вторым сыном сквайра, Гай, прекрасный, энергичный молодой армейский капитан, собирается жениться на подопечной своего отца, красавице Джулии Темплтон. Уже началось собрание родственников и друзей, чтобы отпраздновать радостное событие, поскольку пожилой джентльмен — враг тихих, уединенных свадеб. «Нет ничего лучше, — говорит он, — чем весело проводить молодую пару и подбадривать их с берега; хорошее начало — это половина путешествия».

Прежде чем продолжить, я хотел бы попросить, чтобы сквайра не путали с тем классом джентльменов, которые так часто ездят верхом и охотятся на лис и которые, по сути, почти вымерли в Англии. Я пользуюсь этим сельским титулом отчасти потому, что это его всеобщее прозвище во всей округе, а отчасти потому, что это избавляет меня от необходимости часто повторять его имя, одно из тех грубых староанглийских прозвищ, при виде которых французы в отчаянии восклицают. Сквайр — это, по сути, сохранившийся образчик старого английского сельского джентльмена; он немного обрусел, живя почти исключительно в своем поместье, и в некотором роде юморист, каким склонны становиться англичане, когда у них появляется возможность жить по-своему. Однако мне нравится его хобби, которое заключается в фанатичной преданности старым английским манерам и обычаям; оно немного сочетается с моим собственным юмором, а также с живым и неудовлетворенным любопытством к древним и подлинным особенностям моей «отчизны». Кроме того, в семье Сквайра есть некоторые черты, которые кажутся мне национальными. Это одна из тех старинных аристократических семей, которые, как я полагаю, характерны для Англии и которые едва ли известны в других странах; то есть семьи древнего дворянства, которые, хотя и лишены титулованного положения, сохраняют высокую родовую гордость и смотрят свысока на всех дворян недавней выпечки, и сочли бы за жертву достоинства объединить почтенное название своего дома с современным названием. Этому чувству во многом способствует то значение, которое они придают своим наследственным владениям.

Фамильный особняк — это старинное поместье, расположенное в уединённой и красивой части Йоркшира. Жители окрестностей всегда считались «великими людьми на земле», а маленькая деревушка рядом с Холлом взирала на сквайра с почти феодальным почтением. В наши дни редко можно встретить старинную усадьбу и старинную семью такого рода; и, вероятно, именно своеобразный юмор сквайра позволил сохранить этот уединенный образец английского домашнего хозяйства в чем-то похожем на подлинный старинный стиль. Я снова нахожусь в обшитой панелями комнате в старинном крыле дома. Вид из окна, однако, совсем не такой, каким он был во время моего зимнего визита.

Несмотря на то, что апрель ещё только начинается, несколько тёплых солнечных дней уже показали всю прелесть весны, которая, как мне кажется, всегда наиболее пленительна в своей первой реинкарнации. Партеры в старомодном саду пестрят цветами; садовник привнёс сюда экзотику и расставил её вдоль каменных балюстрад. Деревья покрыты зелёными почками и первой, нежной листвой. Когда я распахиваю свою звенящую створку, я вдыхаю аромат резеды и слышу жужжание пчёл в цветах на залитой Солнцем стене, я различаю вдали песню дроздов

и весёлые нотки мелодичного крапивника. Пребывая в этом оплоте старой моды, я намерен время от времени делать наброски сцен и персонажей, которые предстают передо мной. Однако я хотел бы, чтобы вы поняли, что я пишу не роман и не собираюсь обещать читателю ни замысловатого сюжета, ни удивительных приключений. В зале, о котором я веду речь, насколько мне известно, нет ни люка, ни раздвижной панели, ни сторожевой башни, и, похоже, в нем действительно нет никакой тайны. Семья эта — достойная, исполненная благих намерений, и, по всей вероятности, они будут есть и пить, ложиться спать и вставать регулярно, от одного конца моей работы до другого; а сквайр — такой добросердечный старый джентльмен, что я не вижу никакой возможности того, чтобы он устраивал какие-либо беспорядки на пути приближающейся свадьбы или буйнил на похоронах земляка.

Одним словом, я не могу предвидеть ни одного экстраординарного события, которое могло бы произойти за всё время моего пребывания в Холле. Я честно рассказываю это читателю, чтобы, когда он увидит, что я бездельничаю, разглядывая повседневные английские пейзажи, он не поспешил вперёд в надежде встретить какое-нибудь удивительное приключение в будущем. Напротив, я приглашаю его спокойно побродить со мной, как он прогуливался бы по полям, время от времени останавливаясь, чтобы сорвать цветок, или послушать пение птиц, или полюбоваться видом, не беспокоясь о том, что его карьера подходит к концу. Однако, если я, слоняясь по этому старому особняку, увижу или услышу что-нибудь любопытное, что могло бы внести разнообразие в монотонность этой повседневной жизни, я не премину сообщить об этом для развлечения читателя:

Всё модное когда-то надоест,
И свеженькое некогда протухнет,
Лишь смех весёлый этих детских мест
Останется, и свет тот не потухнет.

Занятой Человек

Опустившийся джентльмен, который живёт в основном за счёт собственного веселья и средств моего хозяина, и это приносит ему много пользы. Он поддерживает моего хозяина своими историями, песнями, уловками и тому подобными фокусами и джигс, вы бы восхитились — он сейчас с ним. —

Веселая Команда

Никто так сердечно не приветствовал мое возвращение в Холл, как мистер Саймон Брейсбридж, или мастер Саймон, как его чаще всего называет сквайр. Я встретил его как раз в тот момент, когда входил в парк, где он ломал указку, и он принял меня со всей той гостеприимной сердечностью, с какой человек приглашает друга в свой дом. Я уже представлял его читателю как энергичного маленького человечка, похожего на старого холостяка, остроумного и престарелого кавалера с большими семейными связями и доверенного лица сквайра. Я застал его, как обычно, полным суеты; с тысячей мелких дел, с людьми, которым нужно уделить внимание, и в весёлом расположении духа; ибо мало найдется более счастливых существ, чем по горло занятый лентяй, то есть человек, который вечно ни о чем не думает.

На следующее утро после моего приезда я навестил его в его покоях, которые находятся в отдалённом уголке особняка, поскольку, по его словам, ему нравится быть одному, в стороне от посторонних глаз. Он обставил его по своему вкусу, так что он является идеальным воплощением представлений старого холостяка об удобстве и расстановке мебели. Мебель составлена из разрозненных предметов из всех частей дома, подобранных в соответствии с его представлениями или подходящих для какого-либо уголка его квартиры; и он очень красноречиво восхваляет старинное кресло с подлокотниками, от которого, пользуясь случаем, переходит к порицанию современных стульев, как утративших достоинство и комфорт старины с её стульями с высокими спинками. К его комнате примыкает небольшой кабинет, который он называет своим кабинетом. Здесь есть несколько подвесных полок, изготовленных им самим, на которых размещены несколько старинных трудов о соколиной охоте и кузнечном деле, а также пара сборников стихов и песен времен правления Елизаветы, которые он изучает из уважения к «Сквайру», а также журнал для писателей и спортивный журнал Календарь скачек, один-два тома Ньюгейтского календаря, книга пэров и ещё одна книга по геральдике. Его спортивная одежда висит на крючках в маленьком шкафу, а по стенам его квартиры развешаны крючки для рыболовных снастей, хлысты, шпоры и любимые охотничьи ружья, искусно отполированные и инкрустированные, многие из которых он унаследовал от своего деда.

У него нашлась также пара старых флейт с одной клавишей и скрипка, которую он неоднократно чинил сам, утверждая, что это настоящая Кремона, хотя я никогда не слышал, чтобы он извлекал из нее хоть одну ноту, от которой кровь не стыла бы в жилах. Из этого маленького гнёздышка в полуденной тишине часто будет слышно, как он играет на скрипке, сонно напевая какую-нибудь давно забытую мелодию; ибо он гордится тем, что у него есть отборная коллекция старой доброй английской музыки, и вряд ли будет иметь какое-либо отношение к современным композиторам. Однако больше всего его музыкальные способности проявляются время от времени по вечерам, когда он играет для детей, приглашая их потанцевать в зале, и среди них и слуг он изображает настоящего Орфея.

Его комната также свидетельствует о его разнообразных увлечениях: здесь есть наполовину скопированные нотные листы; рисунки для вышивания иглой; наброски пейзажей, выполненные весьма посредственно; камера lucida; волшебный фонарь, благодаря которому он пытался расписать стекла; одним словом, это кабинет художника. человека со многими дости-

жениями, который знает всего понемногу и ничего не делает хорошо. После того, как я провёл некоторое время в его квартире, восхищаясь дизайном его маленьких изобретений, он повёл меня по заведению, чтобы я осмотрел конюшни, собачью конуру и другие подсобные помещения, при которых он выглядел как генерал, осматривающий различные части своего вытянувшегося по команде «Смирно» лагеря, как сквайр, оставляющий управление хозяйством. Все это имеет для него значение, когда он находится в Зале.

Он справился о состоянии лошадей, осмотрел их копыта, прописал одной обливание холодной водой, а другой кровопускание; а потом повёл меня посмотреть на свою любимую лошадь, о достоинствах которой он говорил с большим пиететом и у которой, как я заметил, было лучшее стойло в конюшне. После этого меня отвели в их с сквайром новую игрушку, которую они называли «соколиная охота», где в заточении находилось несколько несчастных птиц, завершавших свое обучение. Среди них был прекрасный сокол, которого мастер Саймон специально тренировал, и он сказал мне, что через несколько дней покажет мне какой-нибудь редкий вид старого доброго спорта. Во время нашего обхода я заметил, что конюхи, егеря, подручные и другие слуги, казалось, были в некотором роде на дружеской ноге с мастером Саймоном и любили пошутить с ним, хотя было очевидно, что они с большим уважением относились к его мнению, особенно по поводу вопросов, связанных с их функциями. Было, однако, одно исключение — вспыльчивый старый охотник, жгучий, как перцовка; тощий, жилистый старик в поношенной бархатной жокейской шапочке и кожаных бриджах, которые от долгой носки блестели, как будто их отполировали японским лаком. Он был очень противоречивым и прагматичным человеком и склонен, как мне казалось, время от времени расходиться с мастером Саймоном просто из-за своей склочной придиристости.

Особенно это касалось обращения с ястребом, о котором старик, казалось, заботился по особому и, по словам мастера Саймона, был на грани разорения: мастер Саймон мог многое рассказать о том, как он бросал, как бросался, как сверкал и как заманивал, и дал ястребу подзатыльник, который, как я понял, был для старины Кристи чисто греческим; но, несмотря на это, он настаивал на своем и, казалось, относился ко всем этим техническим знаниям с крайним неуважением. Я был удивлен добродушием, с которым мастер Саймон переносил его наглость, пока он не объяснил мне суть дела. Старый Кристи — самый старый слуга в поместье, он прожил среди собак и лошадей большую часть столетия и состоял на службе у отца мистера Брейсбриджа. Он знает родословную каждой лошади в этом поместье и оседлал пра-пра-правнуков большинства из них. Он может подробно рассказать о каждой охоте на лис за последние шестьдесят или семьдесят лет, и у него есть история каждой оленьей головы в доме и каждого охотничьего трофея, прибитого к дверке собачьей конуры. Вся нынешняя порода выросла на его глазах и ластится к нему в старости. Однажды он сопровождал сквайра в Оксфорд, когда тот был там студентом, и просветил весь университет своими охотничьими знаниями. Всего этого достаточно, чтобы сделать старика самоуверенным, поскольку он считает, что во всех этих вопросах первостепенной важности он знает больше, чем весь остальной мир.

Действительно, мистер Саймон был его учеником и признавал, что свои первые познания в охоте он почерпнул из наставлений Кристи, и я очень сомневаюсь, что старик до сих пор не считает его новичком и дилетантом. Возвращаясь домой, когда мы пересекали лужайку перед домом, мы слышали, как в сторожке зазвонил колокольчик привратника, и вскоре после этого по аллее медленно двинулась какая-то кавалькада. Увидев его, мой спутник остановился, на мгновение задумался, а затем, внезапно вскрикнув, поспешил ему навстречу.

Когда он приблизился, я увидел светловолосую, свежую на вид пожилую леди, одетую в старомодный костюм для верховой езды и широкополую белую шляпу из бобрового меха, какие можно увидеть на картинах сэра Джошуа Рейнольдса. Она ехала верхом на холёном белом пони, а за ней следовал лакей в богатой ливрее, восседавший на откормленном охотничьем коне. Чуть поодаль, в арьергарде, ехала старинная громоздкая колесница, запряженная

двумя очень тучными лошадьми, которыми правил такой же тучный кучер, рядом с которым сидел ещё более раздобревший паж, одетый в причудливую зелёную ливрею. В карете сидела накрахмаленная чопорная особа, похожая чем-то средним между компаньонкой и горничной леди, и две изнеженные дворняжки, которые высовывали свои уродливые морды и лаяли из каждого окна на каждого прохожего.

Весь гарнизон собрался, чтобы как подобает встретить этого вновь прибывшую. Сквайр помог ей сойти и нежно поздоровался с ней; прекрасная Джулия бросилась к ней в объятия, и они обнялись с романтическим пылом школьных подруг; в дом её проводил любовник Джулии, к которому она проявляла особое расположение, и несколько старых слуг, которые собравшиеся в холле низко кланялись, когда она проходила мимо. Я заметил, что мастер Саймон был очень усерден и набожен в своем уходе за этой старой леди. Он шёл по аллее рядом с её пони и, пока она принимала приветствия остальных членов семьи, воспользовался случаем, чтобы обратить внимание на толстого кучера, погладить лоснящихся лошадей и, главное, сказать пару вежливых слов служанке миледи, этой чопорной, кислого вида весталке в карете. Я больше не общался с ним до конца утра. Его унесло в водовороте, который последовал за этой дамой. Один раз, когда он спешил по какому-то поручению доброй леди, он даже задержался на минутку, чтобы сообщить мне, что это леди Лилликraft, сестра сквайра, обладательница большого состояния, которое унаследует капитан, и что её поместье находится в одном из лучших охотничьих графств всей Англии.

Семейные Слуги

Воистину, старые слуги — залог достойного ведения домашнего хозяйства. Они подобны крысам в особняке или клещам в сыре, свидетельствующим о древность и богатство жилища их хозяев. В своих случайных рассказах о жизни Зала я часто испытываю искушение остановиться на обстоятельствах банального и обыденного характера, поскольку они кажутся мне иллюстрацией подлинного национального характера. Похоже, сквайр старается придерживаться, насколько это возможно, того, что он считает старыми ориентирами английского воспитания и манер. Все его слуги с полуслова понимают его привычки и по большей части привыкли к ним с детства; так что, в целом, его дом представляет собой один из немногих сносных образцов, которые можно встретить в наши дни, — образ жизни английского сельского джентльмена старой школы. Кстати, слуги — не самая характерная часть домашнего обихода: экономка, например, родилась и выросла в Холле и никогда не отезжала даже на двадцать миль от него; тем не менее, у неё величественный вид, который не пристыдил бы леди, занимавшую видное положение при дворе о королеве Елизавете. Я почти склонен думать, что она заразилась этим, проводя так много времени среди старых семейных фотографий. Однако это может быть связано с сознанием ее значимости в той сфере, в которой она всегда вращалась, поскольку она пользуется большим уважением в соседней деревне и среди жён фермеров и пользуется большим авторитетом в домашнем хозяйстве, управляя слугами тихо, но строго.

Это худая пожилая дама с голубыми глазами и заостренным носом и подбородком. Она одета всегда строго по моде. На ней маленькое, хорошо накрахмаленное жабо, корсаж на завязках, пышные нижние юбки и платье с фестонами и открытой грудью, которое в особых случаях шьется из старинного шелка — наследие какой-нибудь бывшей дамы в семье или её матери, которая до нее была экономкой. Я испытываю благоговение перед этими старинными предметами гардероба, поскольку не сомневаюсь, что они украшали эти квартиры в давние времена, когда подчёркивали очарование какой-нибудь несравненной семейной красоты; и иногда я переводил взгляд со старой экономки на соседние портреты, пытаясь понять, смогу ли я отличить её старинную парчу от платья какой-нибудь из тех дам с длинными талиями, которые улыбаются мне со стен. Её волосы, совершенно седые, завиты спереди, и поверх них она носит маленькую шапочку, красиво заплетённую в косы и зачёсанную под подбородок. Её манеры просты и элементарны, но немного подчеркиваются достоинством, присущим её положению. Холл — это ее мир, а история семьи — единственная история, которую она знает, за исключением того, что она почерпнула из Библии. Она может рассказать биографию каждого портрета в картинной галерее, и это полная семейная хроника.

Сквайр относится к ней с большим уважением. Мастер Саймон рассказал мне, что среди слуг ходит традиционный анекдот о том, как сквайр целовал её в картинной галерее, когда они оба были молоды. Поскольку, однако, между ними больше ничего не было замечено, это обстоятельство не вызвало большого скандала; только вскоре после этого было замечено, что она начала читать «Памелу» и отказалась от руки деревенского трактирщика, которому до этого улыбалась. Старый дворецкий, который прежде был её лакеем и отвергнутым поклонником, время от времени рассказывал этот анекдот на тех небольших сборищах, которые время от времени случаются среди самых аккуратных слуг и которые возникают из-за общей склонности подданных выступать против администрации; но он оставил это в покое, в последние годы, с тех пор как встал на свое место, он укоризненно качает головой, когда об этом упоминают. Несомненно, что старая леди и по сей день вспоминает, как выглядел сквайр, когда он был молодым человеком и учился в колледже; и она утверждает, что ни один из его сыновей не может сравниться со своим отцом, когда он был в их возрасте и носил парадный алый костюм, с уложенными и напудренными волосами и в треугольной шляпе.

У неё есть племянница-сирота, хорошенькая, мягкосердечная девушка по имени Фиби Уилкинс, которая через год или два переехала в Холл и была почти избалована любыми условиями жизни. Она — своего рода служанка и компаньонка прекрасной Джулии; слоняясь по апартаментам молодой леди, читая отрывки из романов и приобретая по наследству подержанные наряды, она превратилась в нечто среднее между камеристкой и неряшливой изысканной леди. Слуги считают её своего рода наследницей, поскольку она унаследует всё имущество своей тети, которое, если верить слухам, должно составлять кругленькую сумму в добрых золотых гинеех, накопленное за счет сбережений двух экономок, не говоря уже о наследственном гардеробе и множестве мелких ценных вещей. безделушки, которые хранились в комнате для прислуги. Действительно, среди слуг и жителей деревни старая экономка слыла довольно богатой; а в её комнате есть изящно отделанный японский комод и большой, окованный железом сундук, в которых, по мнению горничных, хранятся несметные сокровища.

Старая леди — большая приятельница мастера Саймона, который, по правде говоря, немного ухаживает за ней, как за лицом, облеченным высокой властью, и они часто обсуждают вопросы семейной истории, в которых, несмотря на свои обширные знания и гордость своими познаниями, он обычно признает её исключительную осведомленность. Он редко возвращается в Холл после очередного визита к другим членам семьи, не привезя миссис Уилкинс что-нибудь на память от дам дома, где он останавливался. Действительно, все дети в доме смотрят на старую леди с привычным уважением и привязанностью, и она, кажется, считает их почти своими собственными, поскольку они выросли под её присмотром. Однако оксонец — её любимец, вероятно, потому, что он самый младший, хотя и самый озорной и с детства был склонен подшучивать над ней.

Я не могу не упомянуть об одной маленькой церемонии, которая, как мне кажется, характерна для этого Зала. После того как за ужином убирают скатерть, старая экономка вливает в комнату и становится за стулом сквайра, который собственноручно наполняет ей бокал вина, из которого она выпивает за здоровье гостей в поистине уважительной, но достойной манере, а затем удаляется. Сквайр унаследовал этот обычай от своего отца и всегда следовал ему. В слугах старинных английских семей, проживающих в основном в сельской местности, есть что-то особенное. Они тихо, организованно и с уважением относятся к своим обязанностям. Они всегда опрятны и одеты подобающим образом и, если можно так выразиться, технически; они передвигаются по дому без спешки и шума; в них нет ни суеты на работе, ни командного голоса; ничего от той навязчивой домашней работы, которая превращается в мучение. Вас не преследует процесс создания для вас комфортных условий; тем не менее, все делается, и делается хорошо. Работа в доме выполняется как по волшебству, но это волшебство системы. Ничто не делается урывками или в неурочное время; всё идёт своим чередом, как хорошо отлаженный часовой механизм, в котором нет ни шума, ни перебоев в работе. К английским слугам, как правило, не относятся с особой снисходительностью и не устаивают их многочисленных благодарностей, поскольку англичане немногословны и сдержанны по отношению к своим слугам; но одобрительный кивок и доброе слово от хозяина или хозяйки здесь стоят даже больше, чем чрезмерная, горячая похвала или снисходительность в других местах.

Слуги также нечасто проявляют какие-либо искренние чувства к своим хозяевам; и всё же, хотя они и молчаливы, они сильны в своих привязанностях; и взаимное уважение хозяев и слуг, хотя и не выражаемое пылко, в старинных английских семьях сильно и прочно. Звание «старый слуга семьи» вызывает тысячи добрых ассоциаций во всех уголках мира, и нет более убедительного требования к воспитанному в семье человеку, чем то, что он «родился в этом доме». Часто можно увидеть седовласых домработниц такого рода, привязанных к английской семье «старой закалки», которые остаются в ней до самой своей смерти, наслаждаясь неизменной, искренней добротой и выполняя верный, безобидный долг. Я думаю, что такие проявления привязанности хорошо характеризуют как хозяина, так и слугу, а их частота лучше вся-

ких слов говорит о национальном характере. Эти наблюдения, однако, справедливы только для семей, подобных тем, о которых я упоминал, и для тех, кто живет в некотором уединении и проводит большую часть своего времени в деревне.

Что касается напудренных слуг, заполонивших залы фешенебельных городских особняков, то они в равной степени отражают характер заведений, к которым принадлежат; и я не знаю более полного воплощения распутной бессердечности и изнеженной никчёмности. Но, добрый «старый слуга семьи»! — тот, кто всегда был связан, по идее, с родным домом нашего сердца; кто водил нас в школу в дни болтливости детства; кто был поверенным в наших мальчишеских заботах, планах и начинаниях; кто приветствовал нас, когда мы приезжали домой на каникулы, и был инициатором всех наших праздничных развлечений; кто, когда мы, повзрослев, покинем родительский кров и будем возвращаться туда лишь время от времени, встретит нас с радостью, уступающей только радости наших родителей; кто, поседевший и немощный от старости, всё ещё шатается по дому наших отцов в качестве любящего и верного слуги; кто считает нас, в некотором роде, своими собственными детьми и с ворчливым рвением спешит опередить своих товарищей по дому, прислуживая нам за столом; и кто, когда мы уединимся ночью в комнате, которая до сих пор носит наше имя, бродит по комнате, чтобы бросить еще один добрый взгляд и сказать ещё одно приятное слово об ушедших временах — кто не испытывает к такому существу чувства почти сыновней привязанности?

Я встречал несколько эпитафий на надгробиях таких выдающихся домочадцев, написанных с простой правдивостью и естественным чувством. В данный момент передо мной две из них; одна скопирована с надгробия на церковном дворе в Уорикшире:

«Здесь покоится тело Джозефа Батта, доверенного лица Джорджа Берча, эсквайра, из Хэмстед-Холла. Его благодарный друг и хозяин распорядился сделать эту надпись в память о его благоразумии, верности, усердии и воздержании. Он умер (холостяком) в возрасте 84 лет, прожив 44 года в своей семье.»

Другая была снята с надгробия на Элтемском церковном кладбище: «Здесь покоятся останки мистера Джеймса Тэппи, который ушёл из жизни 8 сентября 1818 года в возрасте 84 лет, верно прослужив 60 лет в одной семье; каждый член семьи, в которой он жил, уважал его, и единственный оставшийся в живых оплакивал его смерть».

Немногие памятники, даже знаменитые, вызывали у меня такой трепет в сердце, какой я испытывал, копируя эту честную эпитафию на церковном дворе Элтема. Я сочувствовал этому «единственному оставшемуся в живых» члену семьи, скорбящему над могилой верного последователя своей расы, который, без сомнения, был живым напоминанием об ушедших временах и друзьях; и, размышляя об этом отчете о долгой и преданной службе, я вспомнил трогательную речь о древнем Адаме в «Как вам это понравится», когда он, пошатываясь, идет за юным сыном своего древнего хозяина:

— Учитель, иди вперед, а я последую за тобой
До последнего вздоха, с любовью и преданностью!

(ПРИМЕЧАНИЕ. — Я не могу не упомянуть табличку, которую я видел где-то в часовне Виндзорского замка, установленную покойным королем в память о семейном слуге, который был верным слугой его оплакиваемой дочери, принцессы Амелии. Георг III в значительной степени обладал сильными семейными чувствами старого английского сельского джентльмена; и это любопытный случай в монументальной истории, который делает честь человеческому сердцу: монарх воздвигает памятник в честь скромных добродетелей слуги.)

Вдова

*Она была такой милосердной и жалостливой,
Она бы заплакала, если бы увидела мышь
Попающую в капкан, если бы она была мертва:
У неё были маленькие гончие,
Которых она кормила тушёной, молоком и рассыпчатым хлебом,
Но она горько плакала, если кто-нибудь из них умирал,
Или если кто-нибудь поражал их метлой. —*

ЧОСЕР

Несмотря на причудливый парад, устроенный леди Лилликрафт по случаю её прибытия, в ней не было и йоты той мелочной величавости, которую я себе представлял; напротив, в ней есть доля природного простодушия, если можно так выразиться, которые хорошо сочетаются с её старомодными манерами и безобидной показухой. Она одевается в дорогие шелка, с длинной талией; она сильно красится, а её волосы, которые теперь почти все белы, завиты и заколоты шпильками. Её лицо изрыто оспой, но тонкость черт говорит о том, что когда-то она, возможно, была красива; и у неё очень красивые и изящной формы руки, в отношении которых, если я не ошибаюсь, эта добрая леди всё ещё немного тщеславна.

Мне было любопытно узнать о ней кое-какие подробности. Лет тридцать-сорок назад она была настоящей первой красавицей города и два сезона царствовала здесь со всей дерзостью красавицы, отвергнув несколько выгодных предложений, но, к несчастью, оспа лишила ее очарования и любовников. Она немедленно удалилась в деревню, где некоторое время спустя унаследовала поместье и вышла замуж за баронета, бывшего поклонника, страсть которого внезапно возродилась; «он, — по его словам, — всегда больше любил её ум, чем её личность». Баронет наслаждался её умом и состоянием не более полугода и едва успел сильно устать от неё, как сломал себе шею, охотясь на лис, и оставил её свободной, богатой и безутешной. С тех пор она живёт в своём загородном поместье и никогда не высказывала желания вернуться в город, чтобы вновь увидеть место своих ранних триумфов и смертельной болезни. Однако все её любимые воспоминания относятся к этому короткому периоду её юной красоты. Она понятия не имеет о современном городе, но помнит лишь, каким он был в её время; и постоянно забывает о том, что это место и люди, должно быть, существенно изменились за последние почти полвека. Она часто будет говорить о тостах тех дней так, словно всё ещё царствует; и до недавнего времени с восторгом рассказывала о королевской семье и красоте юных принцев и принцесс.

Она не может не думать о нынешнем короле иначе, как об элегантном молодом человеке, довольно необузданном, но божественно танцующем менуэте; и до того, как он взошел на трон, часто упоминала о нем как о «милом юном принце». Она также рассказывает о прогулках в Кенсингтонском саду, где джентльмены появлялись во фраках с золотым шитьем и в треугольниках, а дамы — в обручах и гордо шествовали по заросшим травой аллеям; и она думает, что дамы, к сожалению, утратили свое достоинство, когда отказались от головных уборов с подушками, и туфлей на высоком каблуке. Ей также есть что сказать об офицерах, которые были в свите её поклонников, и она фамильярно отзывается о многих необузданных молодых воинах, которые сейчас, возможно, ковыляют по курортам на костылях и в подагрических туфлях.

Не могу сказать, препятствовали ли пристрастия этой доброй леди к замужеству или нет; но, хотя её достоинства и богатство привлекали многих поклонников, у неё никогда не возникало соблазна снова обрести счастье. Это тоже странно, потому что у неё, по-видимому, самое мягкое и восприимчивое сердце; она всегда говорит о любви и супружеском счастье

и является большой сторонницей старомодной галантности, преданного внимания и вечного постоянства со стороны джентльменов. Однако она живёт по своему собственному плану.

Мне сказали, что её дом, должно быть, был построен и обставлен примерно во времена сэра Чарльза Грандисона: всё в нем несколько формально и величественно, но смягчено до некоторой степени чувственностью, характерной для старой леди, очень мягкосердечной и романтической, которая любит непринужденность. Вы почти тонете среди подушек больших кресел и на просторах широких диванов, когда вы садитесь на них, вы улетаете. В комнатах и на маленьких японских подставочках расставлены цветы самых редких и нежных сортов, а на столах и каминных полках лежат пакетики с конфетами. В доме полно домашних собак, ангорских кошек и певчих птиц, за которыми ухаживают так же тщательно, как и за ней самой. Она привередлива в еде и в некотором роде гастрономка, питается белым мясом и блюдами, подobaющими леди, хотя её слуги, судя по их внешнему виду, готовят изысканные блюда староанглийской кухни. Действительно, им так потакают, что они все испорчены; и когда они потеряют свое нынешнее место, они не будут пригодны ни для чего другого. Её светлость — одно из тех добродушных созданий, которые всегда обречены на всеобщую любовь, но которым плохо служат слуги, и которые обмануты всем миром.

Большую часть времени она проводит за чтением романов, которых у нее уйма, самая обширная библиотека едва ли сможет поспорить с её собранием, и она постоянно пополняется презентами от издателей города. Её эрудиция в этой области литературы огромна; она уже полвека следит за новостями прессы. Её разум забит всевозможными любовными историями, от величественных романов из старых рыцарских книг до последнего романа в синей обложке, который только что вышел из печати; хотя она, очевидно, отдаёт предпочтение тем, которые выходили в дни её юности и вовремена первой любви. Она утверждает, что в наши дни не написано романов, равных тем, что были написаны Памелой и сэром Чарльзом Грандисоном, и ставит замок Отранто во главе всех романов.

Она приносит огромную пользу своим соседям, и к ней прибегает каждый нищий в округе. Она благотворительница деревни, расположенной по соседству с её поместьем, и проявляет особый интерес ко всем её любовным похождениям. Она знает обо всех происходящих ухаживаниях; каждая влюбленная девица обязательно найдет в её лице терпеливую собеседницу и мудрого советчика. Она прилагает огромные усилия, чтобы уладить все любовные ссоры, и если какой-нибудь неверный кавалер будет упорствовать в своём непостоянстве, он наверняка навлечет на себя бурное негодование доброй леди. Я узнал эти подробности частично от Фрэнка Брейсбриджа, а частично — от мастера Саймона. Теперь я могу объяснить пристальное внимание последнего к ее светлости. Её дом — одно из его любимых мест отдыха, где он является очень важной персоной. Раз в год он наносит ей деловой визит, когда вникает во все её дела, которые, поскольку она не менеджер, часто приводят к путанице. Он изучает бухгалтерские книги управляющего и охотится по поместью, которое, по его словам, изобилует дичью, несмотря на то, что нтам круглый год охотятся все бродяги в округе. Считается, как я уже намекал, что капитан унаследует большую часть её имущества, так как всегда был её главным любимцем; на самом деле, она равнодушна к красному мундиру. Сейчас она приехала в Зал, чтобы присутствовать на его свадьбе, поскольку проявляет большой интерес ко всем вопросам любви и супружества.

Влюблённые

*Встань, любовь моя, моя прекрасная, и уходи;
ибо, вот, зима миновала, дождь закончился и растаял;
на земле появляются цветы;
пришло время пения птиц,
и голос черепахи слышен на земле. —*

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ СОЛОМОНА

Для человека, который немного философ и к тому же холостяк, и который, благодаря некоторому опыту в жизненных перипетиях, начинает смотреть учёным взором на образ жизни мужчины и на то, что нравится женщине, для такого человека, скажу я вам, в этом есть что-то особенное. очень забавно наблюдать за поведением пары молодых влюбленных. Возможно, это не такое серьезное и научное исследование, как любовь к растениям, но оно, безусловно, не менее интересно. Поэтому с тех пор, как я прибыл в Холл, я получал большое удовольствие, наблюдая за прекрасной Джулией и её возлюбленным. У неё очаровательное, смущенное выражение лица бесхитростной девушки, неопытной в кокетстве, которая впервые покорила его; в то время как капитан смотрит на неё с той смесью нежности и ликования, с какой юный влюблённый склонен созерцать столь прекрасную добычу. Вчера я наблюдал за ними в саду, когда они прогуливались по одной из уединённых аллей. Солнце светило восхитительно тепло, создавая огромные волны яркой зелени и глубокие синие тени.

Издалека доносился слабый голос кукушки, этой «вестницы весны»; дрозд щебетал в кустах боярышника, а жёлтые бабочки резвились, играли и кокетничали в воздухе. Прекрасная Джулия стояла, опираясь на руку своего возлюбленного, и слушала его речи, опустив глаза, с мягким румянцем на щеках и тихой улыбкой на губах, а в руке, небрежно опущенной вдоль тела, она держала букет цветов. Так они медленно прогуливались; и когда я смотрел на них и на сцену, по которой они двигались, я не мог не подумать о том, как жаль, что времена года когда-нибудь меняются, или что молодые люди когда-нибудь становятся старше, или что цветы уступают место плодам, или что влюбленные никогда не расстаются, а я должен когда-нибудь жениться. Из того, что я почерпнул из семейных историй, я понял, что прекрасная Джулия — дочь любимого друга сквайра по колледжу, который, окончив Оксфорд, поступил на военную службу и много лет прослужил в Индии, где был смертельно ранен в стычке с туземцами. В последние минуты своей жизни он дрожащим пером поручил жену и дочь заботам своего давнего друга. Вдова и её ребенок вернулись в Англию беспомощными и почти безнадежно-бедными. Когда мистер Брейсбридж узнал об их положении, он поспешил им на помощь. Он добрался до них как раз вовремя, чтобы облегчить последние минуты матери, умирающей от чахотки, и сделать её счастливой, заверив, что её дитя никогда не будет нуждаться в защитнике.

Добрый сквайр вернулся со своей болтливой подопечной в свою крепость, где он воспитывал её с поистине отеческой нежностью. Поскольку он приложил немало усилий, чтобы проследить за её образованием и сформировать у неё утончённый вкус и манеры, она выросла со многими его представлениями и считает его мудрейшим и лучшим из людей. Большую часть своего времени она также проводила с леди Лилликрафт, которая привила ей манеры старой школы и обогатила её ум всевозможными романами. Действительно, её светлость приложила немало усилий к тому, чтобы устроить брак Джулии и капитана, поскольку они встретились в её загородном поместье в тот момент, когда она обнаружила, что между ними растёт естественная, человеческая привязанность; добрая леди никогда не была так счастлива, как когда рядом с ней воркует пара черепах.

Мне было приятно видеть, с какой нежностью старые слуги в Холле относятся к прекрасной Джулии. Они с детства любили её, и, похоже, каждый из них в какой-то мере претендует на её образование и воспитание, так что неудивительно, что она чрезвычайно образованна и просвещена. Садовник научил ее выращивать цветы, которые она очень любит. Старый Кристи, прагматичный охотник, смягчается при ее приближении и, когда она легко и грациозно садится в седло, заявляет, что это он научил её ездить верхом; в то время как экономка, которая относится к ней почти как к дочери, намекает, что впервые познакомила её с тайнами туалета, поскольку в молодости она была горничной у покойной миссис Брейсбридж. Я склонен поверить этому последнему утверждению, поскольку заметил, что платье молодой леди напоминало платье старой школы, хотя и было сшито с местным колоритом, и что ее волосы были уложены в стиле портретов сэра Питера Лели в картинной галерее. Сами её музыкальные достижения носят старомодный характер, и большинство ее песен таковы, что в наши дни их невозможно найти на фортепиано у современного исполнителя.

Однако я так много видел о современной моде, современных достижениях и современных прекрасных дамах, что мне нравится этот оттенок старомодного стиля в такой юной и очаровательной девушке; и я получал такое же удовольствие, слушая, как она напевает одну из старых песен Херрика, или Кэрю, или Саклинга, переложенную на какую-нибудь простую старую мелодию, как и от того, что я слушал, как женщина-любитель поёт жаворонка в тончайшей бравуре Россини или Моцарта. Иногда по вечерам она и капитан играют у нас очень приятную музыку, иногда им помогает мастер Саймон, который неуверенно бренчит на своей скрипке; он очень склонен отвлекаться и останавливать одну-две ноты в конце. Иногда он даже немного бренчит на пианино и принимает участие в трио, в котором его голос обычно можно отличить по некоторому дрожащему тембру и редким фальшивым нотам. Я расхваливал ему игру прекрасной Джулии после одной из её песен, когда обнаружил, что он приписывает себе всю заслугу в формировании её музыкального вкуса, уверяя меня, что она очень талантлива; и, действительно, со знанием дела описывая весь её характер, он добавил, что — она была очень милой девушкой, и в ней не было ничего глупого.

Семейные Реликвии

*Лицо моей возлюбленной прекрасно
Лицо её и лоб, её глаза,
Смотрящие на мир светло и ясно,
Как будто в мире правят чудеса.
Искусный мастер нам изобразил
Не только свежесть губ, и начертанье
Очей её прекрасных, полных сил,
И лба, которому не чуждо знание.
И розы, расцветая на щеках,
И свет небесный, пронизавший очи,
И музыка земли в её устах,
Всё красота бессмертная, короче! —*

ДЕККЕР

Старинный английский фамильный особняк — благодатный объект для изучения. Он изобилует иллюстрациями былых времён и свидетельствами вкусов, склонностей и манер последующих поколений. Изменения и пристройки в различных архитектурных стилях, мебель, посуда, картины, драпировки, военное и спортивное снаряжение разных эпох и направлений — всё это дает пищу для любопытных и забавных размышлений. Поскольку сквайр очень тщательно собирает и сохраняет все семейные реликвии, Зал полон подобных воспоминаний. Осматривая это заведение, я могу представить себе характеры и привычки, которые преобладали в разные периоды истории семьи. Однажды я уже упоминал о успехах крестоносца, которые висят в холле. Есть также несколько ботфуртов на чрезвычайно толстой подошве и высоких каблуках, которые принадлежали группе кавалеров, наполнявших Зал шумом и бряцанием оружия во времена ковенантеров.

Несколько огромных старинных сосудов для питья, с огромными венецианскими бокалами и бокалами из зелёного стекла, на которых рельефно изображены апостолы, остаются памятниками одному или двум поколениям прожигателей жизни, которые вели шумную и разгульную жизнь и первыми принесли в семью подагру. Я опущу еще несколько подобных упоминаний на временные пристрастия предшественников сквайра, но не могу удержаться, чтобы не обратить внимание на пару оленьих рогов в большом зале, которые являются одним из трофеев оруженосца-наездника прежних времён, который был славен в этих краях. До сих пор существует множество преданий о его замечательных охотничьих подвигах, которые рассказывает старый охотник Кристи, который приходит в крайнее раздражение, если в них хоть немного сомневаются.

В самом деле, в нескольких милях от Поместья есть страшная пропасть, которая получила название «Прыжок сквайра», потому что он перепрыгнул её в пылу погони; в этом не может быть сомнения, потому что старый Кристи показывает на ней следы лошадиных копыт. Там по обе стороны пропасти скалы.

Мастер Саймон с большим почтением относится к памяти этого сквайра и может рассказать о нём множество удивительных историй, которые он рассказывает на всех охотничьих обедах; и мне говорили, что с возрастом они становятся все более и более удивительными. У него также есть пара шпор-риппонов, которые принадлежали этому могущественному охотнику былых времён, которые он надевал только по особым случаям. Однако место, которое больше всего изобилует памятными вещами прошлых времен, — это картинная галерея; и есть что-то странно приятное, хотя и меланхоличное, в созерцании длинных рядов портретов, составляющих большую часть коллекции.

Они представляют собой своего рода повествование о жизни достойных членов семьи, которое я могу прочесть с помощью почтенной экономки, которая является семейным летописцем, а мистер Саймон время от времени подсказывает мне. Например, в различных портретах прослеживается прогресс прекрасной дамы. На одной из них она изображена маленькой девочкой с длинной талией и обручем, держащей на руках котёнка и искоса наблюдающей за зрителем, как будто она не может повернуть голову. В другом мы видим её во всей свежести юной красоты, когда она была знаменитой красоткой, и такой жестокосердной, что заставила нескольких несчастных джентльменов впасть в отчаяние и писать скверные стихи. На другой она изображена как величественная дама в расцвете своих чар; рядом с портретом её мужа, галантного полковника в пышном парике и шляпе с золотым шитьём, он был убит за границей; и, наконец, её памятник находится в церкви, шпиль которой виден из окна, где её изображение высечено из мрамора и представляет её как почтенную даму семидесяти шести лет. Подобным же образом я проследил за некоторыми выдающимися личностями семьи на серии изображений, начиная с раннего детства и заканчивая облачением в сан или командирской дубинкой; и так далее, постепенно, пока они не были собраны в общем хранилище — соседней церкви.

Есть одна группа, которая особенно заинтересовала меня. Она состояла из четырёх сестёр, почти ровесниц, которые процветали около столетия назад и, насколько я могу судить по их портретам, были чрезвычайно красивы. Я могу себе представить, каким местом веселья и романтики, должно быть, был этот старинный особняк, когда они были в расцвете своего очарования; когда они, подобно прекрасным видениям, проходили по его залам или грациозно ступали под музыку на празднествах и танцах в кедровой галерее; или ступали изящными ножками по ковру бархатная зелень этих лужаек. С какой любовью, гордостью и почтением, должно быть, смотрели на них старые слуги семьи, а за ними с почти болезненным восхищением следили страдальческие взгляды соперничающих поклонников! Какими мелодиями, песнями и нежными серенадами, должно быть, веяло от этих дворов, и их эхо отзывалось на нетопливую поступь влюблённых! Как, должно быть, трепетали сердца юных гальярдов именно от этих башенок, когда они впервые издали увидели их, возвышающиеся среди деревьев, и представили себе красоту, заключенную, словно драгоценные камни, в этих стенах! Действительно, я обнаружил в этом месте несколько слабых свидетельств того царства любви и романтики, когда этот зал был своего рода Дворцом красоты.

На полях нескольких старых романов, хранящихся в библиотеке, есть заметки, выражающие сочувствие и одобрение, где есть длинные речи, восхваляющие женские прелести, или протестующие против вечной верности, или оплакивающие жестокость какой-нибудь прекрасной-тирании. Интервью, признания и сцены расставания нежных влюбленных также несут на себе отпечаток того, что их часто перечитывали, они отмечены пометками, выражающими восхищение, и имеют инициалы, написанные на полях; к большинству из них в примечаниях указан день месяца и год. На некоторых витринах бриллиантами выгравированы стихотворные отрывки, взятые из произведений прекрасной миссис Филипс, некогда знаменитой Оринды. Некоторые из них, по-видимому, были написаны влюбленными, а другие, написанные тонким и нетвердым почерком и с небольшими неточностями в написании, очевидно, были написаны самими молодыми леди или подругами, которые навещали их в холле. Миссис Филипс, по-видимому, была их подругой. Она была любимым автором этого тесного чобщества, и они распределили имена её героев и героинь по своему близкому кругу. Иногда, написанные мужским почерком, стихи оплакивают жестокость красоты и страдания от постоянной любви; в то время как написанные женским почерком, они благоразумно ограничиваются оплакиванием расставания подруг. На эркере моей спальни, в которой, несомненно, жила одна из этих красавиц, есть несколько таких надписей. Одна из них прямо сейчас стоит у меня перед глазами и называется «Прощание Камиллы с Леоной».

Как велика прошедшая и канувшая радость,
Сегодня -зыбка и любой комфорт
Когда-нибудь навеки испарится!

А рядом — ещё одна эпитафия, написанная, возможно, каким-нибудь предприимчивым любовником, который прокрался в покои дамы во время её отсутствия:

«ФЕОДОСИЙ ОБРАЩАЕТСЯ К КАМИЛЛЕ»
Я предпочел бы жить ради тебя,
Скорее — здесь, чем ради вечной славы!
Что слава вечная пред тихим счастьем здесь!

ФЕОДОСИЙ. 1700

Когда я смотрю на эти слабые свидетельства галантности и нежности, когда я созерцаю выцветавшие портреты этих прекрасных девушек, я думаю о том, что они уже давно расцвели, царствовали, состарились, умерли и канули в лету, а с ними и вся их грация, и все их триумфы, их соперничество, вражда, их поклонники; целая империя любви и наслаждений, в которой они правили — все мертвы, все похоронены, все забыты»...

Я замечаю, как облако меланхолии окутывает нынешнее веселье вокруг меня. Сегодня утром я в задумчивости рассматривал портрет дамы, муж которой был убит за границей, когда в галерею вошла прекрасная Джулия, опираясь на руку капитана. Солнце светило на неё, проходя сквозь ряд окон, когда она шла мимо, и каждый раз казалось, что она то вспыхивает ярким светом, то снова скрывается в тени, пока в конце галереи за ней не закрылась дверь. У меня сжалось сердце при мысли о том, что это было символом её судьбы: ещё несколько лет солнечного света и тени, и вся эта жизнь, красота и наслаждения прекратятся, и не останется ничего, что могло бы увековечить память об этом прекрасном существе, кроме ещё одного брэнного портрета с гаснущими на нём красками; нет, ничему не дано пробудиться, возможно, это банальные рассуждения какого-нибудь будущего бездельника, вроде меня, когда я и мои каракули доживем свой недолгий век и будем забыты.

Старый Солдат

*Я немного поизносился за границей; выпустил жидкость из парочки языческих душ; накормил и облагрил этот добрый меч чёрной кровью христиан-язычников; с его помощью я обратил в веру нескольких неверных. Но не будем об этом. —
Служивый*

Несколько дней назад в зале началось небольшое волнение в связи с приездом генерала Харботтла. Его ожидали уже несколько дней, и некоторые члены семьи с нетерпением требовали его приезда. Мастер Саймон заверил меня, что генерал мне очень понравится, потому что он был бойцом старой школы и отличным напарником за карточным столом. Леди Лилликрафт тоже, казалось, была несколько взволнована утром в день приезда генерала, поскольку он был одним из первых её поклонников, и она помнила его только как храброго молодого прапорщика, только что появившегося в городе. На самом деле она потратила на свой туалет на час больше и появилась с необычно уложенными и напудренными кудрями и дополнительным слоем румян. Поэтому она, очевидно, была немного удивлена и шокирована, увидев, что гибкий, храбрый прапорщик превратился в тучного старого генерала с двойным подбородком, хотя наблюдать за их приветствиями было замечательным зрелищем: грациозность её глубокого реверанса и старомодный вид, с которым генерал принимал гостей, снимал шляпу, слегка качал ею в руке, чтобы в финале склонить напудренную голову. Вся эта суета и ожидание заставили меня изучить генерала с чуть большим вниманием, чем, возможно, следовало бы в ином случае; и те несколько дней, которые он уже провёл в Холле, позволили мне, я думаю, представить читателю его в более или менее сносном виде.

Как заметил мастер Саймон, он был солдат старой закваски: напудренная голова, локоны сбоку и косичка сзади. Его лицо по форме напоминает корму голландского военного корабля, узкое сверху и широкое снизу, с полными розовыми щеками и двойным подбородком; так что, выражаясь современным языком, его органы пищеварения, можно сказать, сильно наверняка прекрасно развиты. Генерал, хотя и ветеран, почти не участвовал в боевых действиях, за исключением взятия Серингапатама, которое стало крещендо в его истории. На груди у него большой изумруд, а на пальце — бриллиант, который он получил по этому случаю, и тот, кому не посчастливилось бы заметить то или другое, обязательно оказывался замешанным во всей истории осады со всеми этими мельчайшими подробностями.

Судя по разговору генерала, взятие Серингапатама — самое важное событие, произошедшее за последнее столетие в мире. С приближением военных грозных туч на континенте его быстро повысили в должности, чтобы убрать с дороги более молодых офицеров, отличившихся своими заслугами; до тех пор, пока, получив звание генерала, он не был тихо отправлен в отставку. С тех пор его походы в основном ограничивались посещением водных курортов, где он пил воду, чтобы немного поправить печень, которую испортил в Индии плохой водой и скверным пойлом, и играл в вист со старыми вдовами, с которыми флиртовал в давно минувшей молодости.

Действительно, он с понятием рассказывает обо всех замечательных женщинах последнего полувека и, судя по намекам, которые он время от времени роняет, ему удалось наслаждаться приватными улыбками многих из них. Он много раз служил в гарнизоне и может рассказать почти обо всех местах, известных своими хорошими кварталами и тех, где жители устраивают отличные обеды. Когда он бывает в городе, он обедает за первоклассную валюту; его приглашают в одно место, потому что его видели в другом. Точно так же его приглашают осмотреть загородные усадьбы, и он может описать половину усадеб королевства, основываясь

на реальных наблюдениях; никто лучше него не разбирается в придворных сплетнях, родословных и смешанных браках знати.

Поскольку генерал — старый холостяк и давний поклонник, а в зале есть несколько дам, особенно его бывшая пассия леди Джослин, он весьма блещет своей галантностью. Поэтому он обычно тратит некоторое время на свой туалет и каждое утро выходит на поле в поздний час, причесанный и напудренный, с розой в петлице. Позавтракав, он прогуливается взад и вперед по террасе, греясь на Солнышке, напевая какую-то песенку и пробираясь между каждой перекладиной, заложив одну руку за спину, а другой упираясь в землю своей тростью, а затем поднимая ее к плечу. Стоит ему во время этих утренних прогулок встретить кого-нибудь из старших леди семейства, как он часто встречает леди Лилликрафт, как шляпа тут же оказывается у него в руке, и этого достаточно, чтобы напомнить одну из тех изысканных групп дам и джентльменов на старых гравюрах с Виндзор-террас или Кенсингтон-гарден. Он часто говорит о «службе» и любит напевать старую песню,

Солдаты, раз-два, почему,
Грустит иной, ребята?
Солдаты, грусть нам ни к чему,
Ведь, правда, мы — солдаты!

Однако я не могу припомнить, чтобы генерал когда-либо подвергался серьезному риску умереть, разве что от апоплексического удара или несварения желудка. Он критикует все сражения на континенте и обсуждает заслуги командиров, но никогда не упускает случая свеести разговор, в конечном счете, к Типу Саибу и Серингапатаму. Мне говорили, что во время последней войны генерал был настоящим чемпионом на приемах, парадах и курортах, и многие пожилые дамы смотрели на него с надеждой и доверием, когда он корчился от ужаса перед вторжением Бонапарта. Он очень предан своему делу и пунктуально посещает приемы, когда находится в городе. Он бережно хранит многие замечательные высказывания покойного короля, особенно то, которое король сказал ему в день полевых испытаний, похвалив за превосходство его коня. Он превозносит всю королевскую семью, но особенно нынешнего короля, которого он называет самым безупречным джентльменом и лучшим игроком в вист в Европе. Генерал ругается гораздо чаще, чем это принято в наши дни; но так было принято в старой школе. Однако он очень строг в религиозных вопросах и убежденный церковник. Он очень громко повторяет эти ответы в церкви и настойчиво молится за короля и королевскую семью. За столом его преданность становится еще более пылкой после второй бутылки, а песня «Боже, храни короля» приводит его в совершенный экстаз. Он на удивление доволен нынешним положением вещей и склонен проявлять некоторое нетерпение при любых разговорах о крахе страны и бедственном положении сельского хозяйства. Он говорит, что путешествовал по стране столько же, сколько и любой другой человек, и не встречал ничего, кроме процветания; и, по правде говоря, большую часть своего времени он проводит, переезжая из одной сельской местности в другую и катаясь верхом по паркам своих друзей.

«Они говорят об общественном неблагополучии, — сказал мне генерал сегодня за обедом, пригубив бокал крепкого бургундского и обводя взглядом обширный стол, — Они говорят об общественном неблагополучии, но где мы его находим, сэр? Я ничего не вижу. Я не вижу причин, по которым кто-либо должен жаловаться. Поверьте мне на слово, сэр, все эти разговоры об общественном неблагополучии — вздор!»

Свита Вдовы

Маленькие собачки и все такое! —

Лир.

Рассказывая о прибытии леди Лилликрафт в Холл, мне следовало бы упомянуть о том, какое удовольствие я получил, наблюдая за тем, как распрягали её экипаж и как она устраивала свою свиту. Для меня есть что-то чрезвычайно забавное в количестве надуманных потребностей, в массе воображаемых удобств, но реальных обуз, которыми склонны обременять себя люди, живущие в роскоши. Мне нравится наблюдать за причудливым ажиотажем и демонстрацией одного из таких незначительных достижений. Множество дюжих лакеев и вассалов всех мастей суетились вокруг с видом бесконечной серьёзности и важности, почти ничего не делая. О количестве тяжёлых сундуков, свёртков и картонных коробок, принадлежащих миледи; о заботе, проявленной горничной миледи по поводу какого-то скромного, странного на вид ящика; о подушках, сложенных в карете, чтобы сделать мягкое сиденье ещё мягче и предотвратить ужасную возможность толчка; флакончики с нюхательными снадобьями, настойки, корзиночки с печеньем и фруктами, новые издания — всё это было приготовлено для того, чтобы защититься от голода, усталости или скуки; запряжённые лошади, чтобы разнообразить способ передвижения; и вся эта подготовка и парад, возможно, были для того, чтобы переместить какого-нибудь очень никчёмного персонажа на небольшой участок земли! Я не собираюсь применять последнюю часть этих замечаний к леди Лилликрафт, чью простую добросердечность я очень уважаю и которая на самом деле является самым любезным и достойным существом на свете.

Однако я не могу удержаться, чтобы не упомянуть кое-что о той пестрой свите, которую она привезла с собой и которая, действительно, свидетельствует о безграничной доброте её натуры, требующей, чтобы её окружали предметы, на которые она могла бы расточать свою доброту. Во-первых, у её светлости изнеженный кучер с румяным лицом и щеками, которые свисают, как мокрые от росы колени. Он, очевидно, немного помыкает ею в отношении откормленных лошадей и выезжает только тогда, когда считает нужным и когда считает, что это будет «полезно для скота». У неё есть любимый паж, который должен прислуживать ей; красивый мальчик лет двенадцати, но озорной шалун, очень избалованный и, по-видимому, ни на что не годный. Он одет в зелёное, с обилием золотых шнуров и золотых же пуговиц на одежде. У неё всегда есть один или два таких помощника, которых заменяют другие, как только они достигают четырнадцатилетнего возраста. Она также привезла с собой двух собак из числа своих любимых домашних питомцев. Один из них — толстый спаниель по кличке Зефи — хотя, боже, сохрани меня от такого зефи!

Он плохо питается; его глаза почти вылезают из орбит; он хрипит от полноты и ходит с величайшим трудом. Другой — маленький, старый брызга с серой мордой и несчастным взглядом, который разгорается, как уголёк, стоит только взглянуть на него; нос у него вздёрнут, рот собран в морщинки, чтобы показать зубы; словом, он целиком напоминает пса, глубоко погруженного в мизантропию и совершенно уставшего от мира. Когда он ходит, его хвост так туго поджат, что кажется, будто он с отвращением отрывает ноги от земли; он редко использует более трёх ног одновременно, держа другую вытянутой в качестве резерва. Этого последнего негодяя называют Красавчиком. Эти собаки подвержены изящным недугам, неизвестным вульгарным собакам; леди Лилликрафт ласкает их и ухаживает за ними с самой нежной добротой. Их приятель-прислужник, паж, балует их и кормит деликатесами, но их желудки часто слабы и не в порядке, так что они не могут есть, хотя я время от времени видел, как паж озорно щипал их или бил по голове, когда его хозяйки не было рядом. Для этого у них есть подушки,

на которых они лежат перед камином, и всё же они склонны дрожать и стонать при малейшем дуновении воздуха. Когда кто-нибудь входит в помещение, они издают совершенно оглушительный лай. Они ведут себя нагло по отношению ко всем остальным собакам в заведении.

Там есть благородный охотничий пёс, большой любимец сквайра, который является привилегированным посетителем гостиной; но как только он появляется, эти незваные гости набрасываются на него с яростью, и я восхищаюсь тем безразличием и презрением, с которыми он, кажется, смотрит свысока на своих хозяев, так что жалкие нападающие на него четвероногие твари быстро теряют к нему интерес. Когда её светлость выезжает из дому, она обычно берёт этих собак с собой подышать свежим воздухом; когда они выглядывают из каждого окна экипажа и лают на всех вульгарных пешеходных собак. Эти собаки — постоянный источник неприятностей в доме, так как они всегда путаются под ногами, им то и дело наступают на пятки, и тогда они издают визг, а их хозяйка — громкие причитания, которые наполняют комнату шумом и неразберихой. И, наконец, камеристка её светлости, миссис Ханна, чопорная, прагматичная старая дева; одна из самых невыносимых и истеричных девиц, которые когда-либо жили. Она хранила свою добродетель, пока та не протухла, и теперь каждое её слово и взгляд отдают ложью и ханжеством. Она полная противоположность своей госпоже, потому что одна ненавидит, а другая любит всё человечество. Я не могу себе представить, как они впервые встретились, но они прожили вместе много лет; а поскольку у горничной резкий и назойливый характер, а её светлость легка и уступчива, первая берёт верх и втайне тиранит добрую леди. Леди Лилликрафт время от времени по секрету жалуется на это своим друзьям, но сразу же замалчивает тему, как только появляется миссис Ханна. На самом деле, она так привыкла к её уходу, что, по её мнению, не смогла бы без неё обходиться; хотя одна из главных задач её жизни — следить за тем, чтобы миссис Ханна всегда была в хорошем настроении, благодаря маленьким подаркам и доброте.

Мистер Саймон испытывает глубочайшее отвращение, смешанное с благоговением, к этой старой деве. На днях он сказал мне шёпотом, что она была проклятой серой, — на самом деле, он добавил ещё один эпитет, который я бы ни за что на свете не повторил. Однако я заметил, что он всегда чрезвычайно вежлив с ней, когда они встречаются.

Наличный Расчёт

*Мой кошелек — это моя личная жизнь,
Эту песню я осмеливаюсь и петь, и произносить вслух,
Она оберегает мужчин от тяжких испытаний,
Когда каждый сам за себя заплатит.
Как только я войду в толпу людей,
За золото и серебро все люди будут мне благодарны.;
Но, осмелюсь сказать, у каждого свой кошелек. —*

«Книга об охоте»

На окраине соседней деревни живёт некий мелкий властелин, который, насколько мне известно, является представителем одного из древнейших законных родов наших дней, поскольку империя, которой он правит, принадлежала его семье с незапамятных времён. Его владения занимают значительное количество хороших плодородных акров земли, а центр его власти находится в старом фермерском доме, где он беспрепятственно восседает в прочном дубовом кресле своих предков. Персонаж, на которого я намекаю, — крепкий старый фермер по имени Джон Тиббетс, или, скорее, Джек Тиббетс, как его называют все в округе. Первое место, где он привлек мое внимание, было в церковном дворе в воскресенье; там он сидел на могильном камне после службы, слегка сдвинув шляпу набекрень, обращаясь к небольшому кругу слушателей и, как я предполагал, разъясняя закон и пророков, пока, подойдя поближе, я не обнаружил, что он всего лишь разглагольствует о достоинствах гневной лошади. Он настолько точно представлял собой солидного английского йомена, каким его часто описывают в книгах, и, более того, подчеркивался каким-нибудь небольшим нарядом, свойственным ему самому, что я не мог не обратить внимания на весь его облик.

Ему было между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами, он был крепкого телосложения, ростом не менее шести футов, с лицом серьёзным, как у льва, и короткими выющимися волосами с проседью. Воротник его рубашки был опущен, открывая шею, покрытую такими же короткими выющимися седыми волосами; на шее был цветной шёлковый шейный платок, завязанный очень свободно и заправленный за пазуху, с зелёной брошью на узле. На нем был сюртук из тёмно-зелёного сукна с серебряными пуговицами, на каждой из которых был выгравирован олень, а под ним — его собственное имя: Джон Тиббетс. На нём был жилет из узорчатого ситца, между которым и сюртуком был ещё один, из алой ткани, расстёгнутый. Его бриджи тоже были расстёгнуты на коленях, но не из-за неряшливости, а для того, чтобы были видны широкие алые подвязки. На нём были синие чулки с белыми часиками; на башмаках — большие серебряные пряжки; на ленте шляпы — широкая пряжка из бисера; пуговицы на рукавах были из золота по семь шиллингов, а на цепочке от часов висели две или три гинеи в качестве украшений.

Наведя о нём кое-какие справки, я выяснил, что он происходил из рода фермеров, которые всегда жили на одном и том же месте и владели одной и той же собственностью; и что половина церковного двора была заставлена надгробиями его рода. Всю свою жизнь он был важной персоной в округе. В юности он был одним из самых громких бойцов в округе. Никто не мог сравниться с ним в борьбе, поднятии штанги, бою на дубинках, кулаках и других спортивных упражнениях. Подобно знаменитому пиннеру из Уэйкфилда, он был чемпионом деревни; завоёвывал призы на всех ярмарках и бросал вызов всей округе. Даже по сей день старики говорят о его мастерстве и недооценивают, по сравнению с ним, всех героев «зелёных», которые сменили его; более того, они говорят, что если бы Джек с готовыми деньгами вышел на поле боя прямо сейчас, никто не смог бы устоять перед ним.

Когда умер отец Джека, соседи качали головами и предсказывали, что молодой человек, подающий надежды, скоро унаследует старую усадьбу, но Джек опроверг все их предсказания. Как только он унаследовал отцовскую ферму, он принял новый облик: женился, решительно занялся своими делами и стал трудолюбивым, бережливым фермером. Вместе с семейной собственностью он унаследовал набор старых семейных принципов, которых неуклонно придерживался. Он сам обо всем позаботился; сам взялся за плуг; усердно работал; вкусно ел; крепко спал; за все платил наличными; и никогда не танцевал, если не считать того, что мог танцевать под музыку, когда у него были собственные деньги в обоих карманах. У него никогда не было при себе сотни-другой фунтов золотом, и он никогда не позволял долгам оставаться неоплаченными. Это принесло ему его нынешнее имя, которым, кстати, он немного гордится, и заставило всю деревню считать его очень богатым человеком.

Однако, несмотря на свою бережливость, он никогда не отказывал себе в жизненных развлечениях, а принимал участие в каждом мимолётном удовольствии. Его афоризм гласил: «Тот, кто много работает, может позволить себе развлечься». Поэтому он присутствовал на всех деревенских ярмарках и поминках и проявил себя воплощением силы и отваги на каждой деревенской лужайке в графстве. Он часто появлялся на скачках и выставлял напоказ свои полгиinei, а то и всю гиную за раз; держал хорошую лошадь для собственных прогулок верхом и по сей день любил гоняться за гончими и, как правило, находился при смерти. Он устраивал деревенские пирушки, а также гостеприимство, которыми всегда славился фермерский дом его отца; устраивал много веселья и танцев на сборе урожая и, прежде всего, устраивал «веселую ночь"², как её называют, на Рождество.

Однако, несмотря на всю свою любовь к развлечениям, Джек ни в коем случае не являлся шумным и жизнерадостным собеседником. Известно, что он редко смеялся, даже в разгар своего самого буйного веселья, но сохранял ту же серьёзную, львиную манеру поведения. Он очень медленно понимает шутку и склонен сидеть, размышляя над ней с озадаченным видом, в то время как остальная компания шумит и галдит. Эта серьёзность, возможно, усилилась вместе с ростом тяжести его характера, ибо в своем родном городе он постепенно обретает патриархальное достоинство. Хотя он больше не принимает активного участия в спортивных состязаниях, тем не менее, он всегда председательствует на них, и к нему во всех случаях обращаются как к знатному судье. Он поддерживает мир на деревенском лугу во время праздничных игр и улаживает все потасовки и ссоры, хватая за шиворот участников и от души встряхивая их, если они не соглашаются. Никто никогда не делает вид, что поднимает на него руку или оспаривает его решения; молодые люди выросли в привычном страхе перед его доблестью и безоговорочном уважении к нему как к чемпиону и повелителю зелени.

Примечание. (ВЕСЕЛАЯ НОЧЬ — деревенское веселье в фермерском доме по случаю Рождества, распространенное в некоторых частях Йоркшира. Здесь в изобилии подают домашнюю еду, чай, пирожные, фрукты и эль, а также различные упражнения на ловкость, забавные игры, возню, танцы и поцелуи. Обычно они расстаются в полночь.)

Он завсегдатай деревенской гостиницы, хозяйка которой была его любимой в молодости, и он всегда поддерживал с ней добрые отношения. Однако он редко пьёт что-либо, кроме глотка эля; курит трубку и расплачивается по счёту, прежде чем покинуть пивную. Здесь он «излагает свои маленькие законы для сената»; принимает решения о пари, которые, как правило, направляются ему, судит характеры и качества лошадей; и действительно, время от времени он выступает в роли судьи при разрешении мелких споров между соседями, которые в противном случае сельские адвокаты могли бы превратить в несносные судебные процессы. Джек очень прямолинеен и беспристрастен в своих решениях, но у него не хватает ума вести долгие споры, и он очень склонен впадать в замешательство и терять терпение, если его долго

уговаривать. Как правило, он решительно обрывает спор и подводит резюме, объявляя то, что он называет «итогом дела», или, другими словами, «суть вопроса». Однажды, много лет назад, Джек совершил путешествие в Лондон, и с тех пор у него было много тем для разговоров.

Он увидел старого короля на террасе в Виндзоре, который остановился и указал на него одной из принцесс, которая, вероятно, была поражена внешностью Джека, по-настоящему похожего на фермера. Это его любимый анекдот, который, несомненно, оказал большое влияние на то, что с тех пор он стал самым лояльным подданным, несмотря на налоги и ставки для бедных. Он также был на Варфоломеевской ярмарке, где у него срезали половину пуговиц с пальто; и банда карманников, привлеченных его внешним видом, полным золота и серебра, предприняла очередную попытку сбить его с толку, когда он смотрел представление; но на этот раз они обнаружили, что попались татарин; ибо Джек творил среди своей банды такие же великие чудеса, как Самсон среди филистимлян. Один из его соседей, который сопровождал его в город и был с ним на ярмарке, рассказал о его подвигах, вызвавших гордость у всей деревни, которая считала, что их герой покорила весь Лондон и затмил достижения брата Тука или даже знаменитого Робина Гуда.

В последние годы старик стал относиться к миру проще; он меньше работает и больше отдыхает, поскольку его сын вырос и стал его преемником, как в трудах на ферме, так и в лесных подвигах. Однако, как и у всех сыновей выдающихся людей, известность его отца является для него недостатком, поскольку он никогда не сможет оправдать ожиданий общества. Несмотря на то, что в свои двадцать три года он прекрасный, активный парень и настоящий «петушок на побегушках», старики заявляют, что он совсем не похож на того, кем был Джек в молодости. Сам юноша признает свою неполноценность и очень высокого мнения о старике, который действительно научил его всем своим спортивным достижениям и имеет над ним такую власть, что, как мне говорили, даже по сей день он без колебаний взял бы его в руки, если бы тот восстал против отцовской заботы.

Сквайр очень уважает Джека и показывает его всем своим посетителям как образец староанглийского «дубового сердца». Он часто бывает у него дома и пробует его домашнее пиво, которое получается превосходным. Он подарил Джеку книгу старого Тассера «Сто советов хорошего хозяина», которая с тех пор служит для него настольной книгой и руководством по всем сельскохозяйственным и домашним делам. Он наострил уши при прочтении самых любимых отрывков и знает многие поэтические изречения наизусть. Тиббетс, хотя и не из тех, кого пугают или льстят высокопоставленные знакомые, и хотя он дорожит непоколебимой независимостью ума и манер, все же явно польщен вниманием сквайра, которого знает с детства, и говорит, что «он истинный джентльмен до мозга костей». Он в прекрасных отношениях с мастером Саймоном, который является чем-то вроде тайного советника в семье, но его самый большой любимец — оксонец, которого он в детстве учил бороться и играть на брусках, и считает самым многообещающим молодым джентльменом во всей стране.

Холостяки

*Холостяк радуется больше всего на свете
В приятных обстоятельствах проводит время в своих долах,
В добром общении
Он всегда поддерживает отношения. —*

Старые баллады Эвена

В комедии человеческой жизни нет персонажа, которого было бы труднее хорошо сыграть, чем роль старого холостяка. Поэтому, когда одинокий джентльмен достигает того критического периода, когда он начинает считать неприличным задавать вопросы о своём возрасте, я бы посоветовал ему хорошенько присмотреться к своим привычкам. Правда, у одних мужчин этот период наступает гораздо позже, чем у других; Я не раз был свидетелем подобной встречи двух морщинистых старичков, которые не виделись несколько лет, и меня забавлял дружеский обмен комплиментами по поводу внешности друг друга, который происходит в таких случаях. Всегда можно услышать одно неизменное замечание: «Боже мой! Ты выглядишь моложе, чем когда я видел тебя в последний раз!» Всякий раз, когда друзья мужчины начинают делать ему комплименты по поводу того, что он молодо выглядит, он может быть уверен, что они думают, что он стареет. Я вынужден сделать эти замечания из-за поведения мастера Саймона и генерала, которые стали большими друзьями. Поскольку первый из них моложе его на много лет, генерал считает его совсем юным воином, который, кроме того, считает его человеком большого ума и выдающихся способностей.

Я уже намекал, что мистер Саймон — фамильный кавалер, и все пожилые дамы в округе считают его довольно молодым человеком; ибо старый холостяк, имеющий давние семейные связи, — это что-то вроде актера из обычной драматической труппы, который, кажется, «расцветает в вечной молодости» и будет продолжать играть «Ромео» и «Рейнджерс» в течение полувека вместе. Мистер Саймон тоже немного хамелеон и с каждым новым собеседником приобретает разные оттенки: он очень внимателен, услужлив и немного сентиментален с леди Лилликрафт; он переписывает для неё маленькие жеманные частушки и песенки о любви, рисует колчаны, голубей и дротики и купидонов, которые будут вышиты на уголках её носовых платков. Однако он позволяет себе значительную вольность в общении с другими замужними дамами семейства и нашёптывает им множество лукавых шуток, которые вызывают двусмысленный смех и взмахи веером. Но когда он попадает в компанию молодых людей, таких как Фрэнк Брейсбридж, житель Оксфорда, и генерал, он склонен разыгрывать из себя безумца и рассуждать о сексе в духе настоящего холостяка.

В этом его вдохновляет пример генерала, на которого он равняется как на человека, повидавшего мир. Генерал, по сути, рассказывает шокирующие истории после ужина, когда дамы удаляются на покой, и называет их одними из лучших блюд, которые подают в клубе «Маллигатони» — лондонском клубе, объединяющем приятелей. Он также повторяет жирные шутки старого майора Пендергаста, остряка клуба, и, хотя генерал с трудом может повторить их из-за смеха, мистер Брейсбридж всегда принимает серьёзный вид, испытывая большую антипатию к неприличным шуткам. Одним словом, генерал — это полный пример упадка весёлой жизни, из-за которого молодой человек, предающийся развлечениям, склонен остывать и превращаться в непристойного старого джентльмена.

Пару вечеров назад я видел, как они с мастером Саймоном беседовали на лугу с полногрудой дояркой; и, судя по тому, как они время от времени толкали друг друга локтями, а генерал пожимал плечами, надувал щеки и раздражался коротким приступом неудержимого смеха, у меня не осталось сомнений в том, что это не так просто они подшучивали над девушкой. Глядя

на них сквозь живую изгородь, я не мог не подумать, что они составили бы неплохую группу для современной картины, изображающей Сюзанну и двух старших. Это правда, девушка, казалось, нисколько не испугалась силы врага; и я сомневаюсь, что, будь кто-то из них один, то они не рискнули бы затевать с ней перебранку. Такие бывалые кутилы — отважные остряки, когда они вместе, и своими шутками заставят покраснеть любую женщину; но они тихи, как ягнята, когда поодиночке попадают в кровожадные лапы красивой женщины.

Несмотря на преклонный возраст генерала, он, очевидно, немного тщеславен и жаждет новых завоеваний. Я наблюдал за ним по воскресеньям в церкви, когда он с большим подозрением разглядывал деревенских девушек; и видел, как он бросал на них откровенно влюбленные взгляды, даже когда с большой церемонностью сопровождал леди Лилликрафт по церковному двору. Генерал, по сути, ветеран службы Купидону, а не Марсу, он проявил себя во всех гарнизонных городах и загородных кварталах и побывал на службе в каждом бальном зале Англии. Нет ни одной знаменитой красавицы, которую бы он не осаждал; и если его слову можно поверить в деле, в котором ни один мужчина не склонен преувеличивать, то просто невероятно, какой успех он имел у этой красавицы. В настоящее время он похож на измученного воина, вышедшего в отставку, но который всё ещё с воинственным видом задирает нос и решительно говорит о сражении всякий раз, когда до него доходит запах пороха.

Я слышал, как за бутылкой он очень откровенно высказывал свое мнение о безрассудстве капитана, который женился; он считал, что молодой солдат не должен заботиться ни о чем, кроме своей «бутылки и доброй хозяйки». Но, по его словам, служба на континенте оказывает печальное воздействие на молодых людей; многих из них испортили легкие вина и французские кадрили.

«У них нет ничего, — говорит он, — от духа старой службы. Не осталось никого из твоих мужчин с шестью бутылками, которые были душами званого обеда и обычно играли главную роль в кругу женщин.»

Что касается холостяка, то генерал утверждает, что он человек свободный и беззаботный, у него нет никакого багажа, о котором нужно заботиться, кроме своего саквояжа; но женатый мужчина, у которого жена висит на руке, всегда напоминает ему ночной подсвечник с прикрепленным к нему пенным огнетушителем. Я бы не возражал против всего этого, если бы это касалось только генерала; но я боюсь, что он погубит моего друга, мастера Саймона, который уже начинает повторять все его ереси и рассуждать в стиле джентльмена, повидавшего жизнь и пожившего за счёт города. И в самом деле, генерал, похоже, взял мастера Саймона под свой контроль и поговаривает о том, чтобы показать ему львов, когда тот приедет в город, и познакомить его с избранным обществом в клубе «Маллигатони», которое, как я понимаю, состоит из старых набобов, служащих компании и других «индейцев», которые служили на Востоке и вернулись домой, обжегшись карри, и у которых потом были проблемы с печенью. У них есть свой постоянный клуб, где они едят суп из Маллигатони, курят кальян, рассказывают о Типпу Саибе, Серингапатаме и охоте на тигров; и сколь они утомительно приятны в обществе друг друга, в отсутствии жены.

Поверь мне, парень, нет большего блаженства,
Чем тихий оклик любящей жены;
Всегда у половины совершенства
Изъяны несравненные видны!

— СЭР П. СИДНИ

Вокруг меня так много разговоров о женитьбе в связи с приближающимся событием, ради которого мы собрались в этом зале, что, признаюсь, мои мысли на этот счет особенно забиты невесть чем. Действительно, все холостяки этого заведения, похоже, проходят через сво-

его рода огненное испытание, поскольку леди Лилликрафт — одна из тех нежных, накаченных слезоточивыми романами дам старой закалки, чей разум полон огня и метких стрел, от которых веет только запахом постоянства и вонью супружества. Она всегда погружена в сердечные заботы; и, выражаясь поэтическим языком, прекрасно осенена «пурпурным светом любви». Сам генерал, по-видимому, ощущает влияние этой катастрофически сентиментальной атмосферы; он тает, приближаясь к её светлости, и на время забывает все свои ереси, посвящённые браку и сексу. Добрая леди, как правило, окружена книжечками, которые соответствуют её предпочтениям; романами нежного характера; книжечками поэзии в роскошных переплётах, полными сонетами и любовных историй, без устали источающих благоухающие лепестки роз; и у неё всегда под рукой альбом, в который она вкладывает все свои силы, и все её друзья подвергаются опылению этого альбома.

Просматривая на днях это последнее хранилище, я обнаружил несколько стихотворных отрывков, написанных рукой сквайра, которые, возможно, предназначались в качестве матримонийальных намеков его подопечной. Некоторые из них так меня поразили, что я взял на себя смелость их скопировать. Они взяты из старой пьесы Томаса Давенпорта, опубликованной в 1661 году, под названием «Городской ночной колпак», в которой в роли Абстиненции изображён характер терпеливой и верной жены, который, я думаю, мог бы соперничать с характером знаменитой Гризельды. Я часто думал о том, как жаль, что пьесы и романы всегда заканчиваются свадьбой и не дают нам хотя бы ещё один акт и ещё один случай убедиться в том, чтобы мы наконец узнали, как вели себя герой и героиня, когда поженились. Их главная цель, по-видимому, состоит лишь в том, чтобы научить молодых леди, как найти мужа, но не как его удержать: последнее, я говорю это со всей должной застенчивостью, представляется мне даже более нужным и желательным в современной супружеской жизни. Тем, кто ещё не вступил на болотные тропы пути святости, ужасно видеть, как скоро пламя романтической любви угасает или, скорее, увядает в браке; и как печально, что страстный, поэтический почти мгновенно с точки зрения мировой истории пылкий любовник превращается во флегматичного, прозаичного мужа.

Я склонен приписывать это в значительной степени только что упомянутому недостатку пьес и романов, которые составляют столь важную область изучения характеров наших юных леди и которые учат их быть героинями, но оставляют в полной растерянности, когда им приходится становиться жёнами. Пьеса, из которой были взяты приведенные выше цитаты, однако, является исключением из этого правила; и я не могу отказать себе в удовольствии привести некоторые из них для удобства читателя в честь старой писательницы, которая смело пыталась пробудить интерес к драматургии в пользу женщин, даже после того, как она побывала замужем! Ниже приводится похвала Абстемии её мужу Лоренцо:

Она скромна, но не угрюма и любит тишину;
 Не потому, что ей нужны подходящие слова
 (ибо, когда она говорит, она воспламеняет любовь удивлением),
 А потому, что Она называет мудрое молчание гармонией души.
 Она по-настоящему целомудренна, но в то же время такая
 непримиримая противница застенчивости,
 Лишь самые бедные называют её обходительной, и это
 превосходно,
 (Хотя она светловолоса и молода), она избегает выставять себя
 напоказ.
 На взгляд посторонних глаз.
 Она либо редко или никогда не путешествует за границей, кроме
 как в вашей компании.

А потом с такой милой застенчивостью,
Как будто она ступает на раскаленный лед,
Она получает удовольствие
О! Ступить на след, оставленный твоей ногой,
Она будет следовать за тобой полями и лесами;
И с её милым характером,
У тебя хватит веков на её занудство.

Несмотря на все это превосходство, Абстемия имеет несчастье навлечь на себя незаслуженную ревность своего мужа. Однако вместо того, чтобы возмущаться его суровым обращением с громкими упрёками и неистовой яростью высокой, ветреной добродетели, которая так часто раздувает искры гнева в пламя, она переносит это с кротостью сознательной, но терпеливой добродетели; и обращается со следующим прекрасным обращением к мужчине: друг, который был свидетелем её долгих страданий:

Разве ты не видел, как я
Терплю все его обиды, страдая, как океан,
Когда сердитый лай бороздит его грудь,
И все же в настоящее время все так гладко, что глаз
Не можете понять, где была нанесена смертельная рана?

Лоренцо, поддавшись на ложные уговоры, в конце концов отвергает её. Однако до последнего момента она сохраняет свою терпеливую нежность и любовь к нему, несмотря на его жестокость. Она сожалеет о его ошибке даже больше, чем о его жестокости, и сокрушается о заблуждении, которое превратило саму его привязанность в источник горечи и страданий. В её прощальном обращении к Лоренцо после их развода есть трогательный пафос:

Прощай, Лоренцо,
Кого любит моя душа: если ты когда-нибудь выйдешь замуж,
Желаю тебе встретить хорошую жену,
Настолько хорошую, чтобы тебе, возможно,
Даже не пришло в голову, что она может быть достойной
Твоих подозрениях; и если ты услышишь впоследствии,
Что я мёртва, спроси только о моих последних словах,
И ты должен знать, что я любила тебя до последнего вздоха.
И когда ты выйдешь со своей второй суженой
В чудесные поля и случайно заговоришь обо мне,
Представь, что видишь меня, худую и бледную,
Устилающую твой путь цветами. —
Но пусть она никогда не доживёт до того,
Чтобы заплатить мои долги: (плачет)
Если только в мыслях она причинит тебе зло,
Пусть она умрет
При мысли о нанесении вреда.
Прошу тебя, сделай меня богаче
Лишь на один поцелуй! Прощайте, сэр:
Пусть вас не огорчает, когда вы будете вспоминать
Что я была невинна: не забывайте об этом,
Хотя невинность здесь страдает, вздыхает и стонет,

Она проходит через тернии, чтобы обрести трон.

Вскоре Лоренцо обнаруживает свою ошибку и невиновность своей оскорбленной жены.

В порыве раскаяния он вспоминает всё её женское совершенство; её нежную, безропотную, трогательную стойкость перед лицом обид и печалей:

— О, Воздержание! Как прекрасно ты сейчас выглядишь! теперь ты появляешься целомудреннее, чем утренняя скромность, Которая вспыхивает румянцем, на чьей груди тихо дует западный ветер; теперь я вспоминаю, как, когда она сидела за столом, её послушный взгляд, а я заикнулся на своём. Но где же теперь эта прекрасная душа? Как серебряное облако, боюсь, она выплакалась и утонула в мёртвом море. И её больше не найдут.

Если читатель, благодаря предыдущим отрывкам, заинтересовался судьбой Абстемии, то будет справедливо сказать, что она вновь оказалась в объятиях и привязанности своего мужа, который стал любить её сильнее, чем когда-либо, благодаря тому, что в каждом добром сердце есть склонность искупать прошлую несправедливость чрезмерной мерой о ответной доброте:

Ты богатство, стоящее дороже королевств; теперь я Утвержденный вне всяких подозрений; ты далеко Твоя искренняя правда слаще, чем жертва. Украшенный гирляндами перед смертью. Индийские ветры Этот ветер доносится с берега и подбадривает моряка От сладкого аромата их специй хочется Наслаждение разливается в тебе.

Эта маленькая драматическая картина произвела на меня большее впечатление и заинтересовала меня больше, чем многие популярные любовные истории; хотя, как я уже говорил, я не думаю, что у Абстиненции или терпеливой Седины есть большие шансы быть взятыми за образец. И всё же мне нравится, когда поэзия время от времени выходит за рамки дня свадьбы и учит дам, как оставаться привлекательной даже после замужества. Нет особой необходимости навязывать незамужней леди необходимость быть приятной, равно как и от юной красавицы не требуется большого искусства, чтобы понравиться ей. Природа окружает её множеством привлекательных мест. Молодость привлекательна сама по себе. Свежесть расцветающей красоты не нуждается в посторонней помощи, чтобы подчеркнуть её; она радуется просто потому, что она свежая, цветущая и прекрасная. Но именно в браке женщина больше всего нуждается в наставлениях, и именно в нём ей следует быть особенно настороже, чтобы сохранить способность нравиться. Ни одна женщина не может рассчитывать на то, что она будет для своего мужа такой, какой он представлял её себе, когда был любовником.

Мужчины всегда обречены быть обманутыми не столько искусством секса, сколько собственным воображением. Они всегда ухаживают за богинями и женятся на простых смертных. Поэтому женщине следует выяснить, в чём заключалось то очарование, которое делало её такой обворожительной, когда она была девушкой, и постараться сохранить его, став женой. Несомненно, одной из главных черт является бережное отношение к себе и своему поведению, которое незамужняя женщина всегда блюдет, как зеницу ока. Она должна сохранять ту же вежливость и сдержанность в своей внешности и привычках и стараться по-прежнему сохранять свежесть и девственную деликатность в глазах своего мужа. Она должна помнить, что задача женщины — добиваться, а не домогаться; быть обласканным, а не ласкать себя. Мужчина в любви — существо неблагодарное; щедрость уступает ему, вместо того чтобы завоевать. Секрет женской силы заключается не столько в том, чтобы давать, сколько в том, чтобы воздерживаться. Женщина может слишком многим пожертвовать даже ради своего мужа. Чтобы сохранить страсть и уберечь себя от опасной фамильярности, от досконального знакомства

со всеми слабостями и несовершенствами, присущими супружеству, она должна руководствоваться тысячами мелких правил поведения. С помощью этих средств она пока ещё может сохранять свою власть, хотя и отказалась от своей личности, и может продолжать любовный роман даже после окончания медового месяца.

«Та, у кого мудрый муж, — говорит Джереми Тейлор, — должна облекать его в вечную роскошь покрывалом скромности и строгими одеждами целомудрия, украшениями кротости и драгоценностями веры и милосердия. На ней не должно быть ничего, кроме румян; её сияние должно быть чистым, и она должна излучать доброту и дружелюбие; и она должна быть приятной, пока жива, и желанной, когда умрёт». Я пустился в бессвязные рассуждения на банальную тему, в которую холостяку опасно вмешиваться. Однако, чтобы не показалось, что я ограничиваю свои наблюдения исключительно женой, я закончу ещё одной цитатой из Джереми Тейлора, в которой упоминаются обязанности обеих сторон; в то же время я бы порекомендовал его проповедь о обручальном кольце всем тем, кто, будучи мудрее меня, собирается вступить в брак. счастливое супружество. «Едва ли существует какой-либо вопрос долга, который не касался бы их обоих одинаково, и отличается только названиями, и зависит от обстоятельств и мелких случайностей: и то, что в одном называется любовью, в другом — почтением; и то, что в жене называется послушанием, в мужчине — то же самое это долг. Он обеспечивает, а она распределяет; он даёт заповеди, а она управляет в соответствии с ними; он управляет ею авторитетом, а она управляет им любовью; она должна во что бы то ни стало угождать ему, а он ни в коем случае не должен вызывать у неё неудовольствия».

Рассказчик Историй

Любимое вечернее развлечение в Холле, которое достойный сквайр любит пропагандировать, — это рассказывание историй, «хорошее старомодное развлечение у камина», как он это называет. На самом деле, я полагаю, он пропагандирует это главным образом потому, что в те давние времена это было одним из любимых развлечений, когда леди и джентльмены не имели привычки читать. Как бы то ни было, за ужином, когда разговор подходит к концу, он часто обращается к кому-нибудь из компании с просьбой рассказать историю, как раньше было принято просить спеть песню; и поучительно видеть то образцовое терпение и даже удовлетворение, с которым старый добрый джентльмен сидит и слушает какой-нибудь избитый анекдот, который он слышал по меньшей мере сотню раз. Таким образом, однажды вечером поток анекдотов и историй обращает своё внимание, или, лучше сказать, обрушивается на таинственных персонажей, которые фигурировали в разное время и наполняли мир сомнениями и догадками; таких, как Странствующий Жид, Человек в Железной Маске, который мучил любопытство всей Европы, Девушка-Невидимка и, наконец, но не в последнюю очередь — Свинолицей Леди Грёз.

Наконец, был вызван один из членов компании, у которого была самая малообещающая физиономия для рассказчика, какую я когда-либо видел. Это был худой, бледный, с измождённым лицом человек, чрезвычайно нервный, который сидел в углу стола, как бы уйдя в себя и почти спрятавшись за полой своего пальто, как черепаха в своём панцире. Само это требование, казалось, привело его в нервную дрожь, но он не отказался. Он высунул голову из своей раковины, скорчил несколько странных гримас, пожестиковал и пожевал губами, прежде чем смог привести в порядок свои мускулы или подчинить себе голос, а затем предложил рассказать о таинственном персонаже, с которым он недавно столкнулся во время своих путешествий, и о том, кого он считал своим другом. Вынужден здесь вмешаться, что бы предостеречь слушателей, что эта история имеет полное право быть причисленной к типу историй о «Человеке в Железной Маске». Я был настолько поражен его необычным рассказом, что записал его, насколько мне помнится, для развлечения читателя. Я думаю, что в нём есть все элементы того таинственного и романтического повествования, которое так востребовано в наши дни.

«ПОЛНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН». РОМАНС О ДИЛИЖАНСЕ

*«Я перейду его, хоть разрази меня гром!» —
Гамлет.*

Это было дождливое воскресенье в хмуром ноябре. Во время путешествия меня задержало лёгкое недомогание, от которого я уже оправлялся; но меня всё ещё лихорадило, и я был вынужден весь день просидеть взаперти в гостинице маленького городка Дербри. Дождливое воскресенье в загородной гостинице! — только тот, кому посчастливилось это пережить, может судить о моей ситуации. Дождь барабанил по окнам; колокола меланхолично призывали к отправлению службы. Я подошёл к окнам в поисках чего-нибудь, что могло бы развлечь глаз, но мне показалось, что я оказался совершенно недоступным для развлечений. Окна моей спальни выходили на черепичные крыши и ряды печных труб, а из окон гостиной открывался прекрасный вид на двор конюшни. Я не знаю ничего, что могло бы вызвать у человека боль-

шее отвращение к этому миру, чем конюшенный двор в дождливый день. Всё вокруг было усеяно мокрой соломой, которую разбрасывали ноги шаркающих путешественники и конюхи. В одном углу виднелась лужица застоявшейся воды, окружавшая островок навоза; под тележкой сгрудилось несколько полузатонувших кур, среди которых был жалкий петух с опавшим гребнем, вымокший до нитки; его свисающий хвост как бы слипся в один пучок. Он уныло осматривал перья, по которым стекала вода с его спины.

Рядом с телегой стояла дремотная корова, жевавшая жвачку и терпеливо ожидавшая дождя, и от её вонючей шкуры поднимались клубы пара; косоглазая лошадь, уставшая от одиночества в конюшне, высовывала из окна свою призрачную голову, на которую с карниза лился дождь; несчастная дворняга, прикованная цепью к собачьей будке неподалеку, время от времени издавала нечто среднее между лаем и повизгиванием невзрачная кухонная служанка расхаживала взад-вперёд по двору в паттен-шинах, выглядя такой же угрюмой, как и сама погода; короче говоря, всё вокруг было неуютным и заброшенным, за исключением стаи сильно пьющих уток, собравшихся, как добрые приятели, вокруг лужи и громко галдевших над ней. Видимо, эта лужа содержала всё их спиртное. Я был одинок и апатичен, и мне хотелось развлечений. Вскоре моя комната стала невыносима для меня. Я покинул её и отправился в так называемую комнату для путешественников.

Это общественное помещение, отведённое в большинстве гостиниц для размещения путешественников, или наездников; своего рода странствующих рыцарей-коммерсантов, которые постоянно путешествуют по королевству в джигитовках, верхом на лошадях или в карете. На сегодняшний день они — единственные известные мне преемники былых странствующих рыцарей. Они ведут такую же бродячую, полную приключений жизнь, только меняя копё на кнут, щит на визитную карточку, а кольчугу — на одежду негодянта Бенджамина. Вместо того чтобы отстаивать очарование несравненной красоты, они стремятся распространить славу и положение какого-нибудь крупного торговца или производителя и готовы в любое время заключить сделку от его имени; в наши дни стало модным торговать друг с другом, а не воевать. Как в старые добрые воинственные времена гостиничный номер на ночь увешивали доспехами измученных походом воинов, такими как кольчуги, сабли и шлемы с зазубринами, так и комната путешественников украшена снаряжением их преемников, камзолами, всевозможными хлыстами, шлемами, шпорами, гетрами и шляпами, обтянутыми клеёнкой.

Я надеялся найти кого-нибудь из этих достойных людей, с кем можно было бы поговорить, но был разочарован. В комнате действительно было двое или трое, но я ничего не мог с ними поделать. Один как раз заканчивал завтракать, ругаясь из-за куска хлеба с маслом и обзывая официанта; другой застёгивал гетры, проклиная Бутса за то, что тот плохо вычистил его ботинки; третий сидел, барабая пальцами по столу, и смотрел, как струится дождь по оконному стеклу; все они, казалось, были заражены непогодой и исчезали один за другим, не обменявшись ни словом. Я подошёл к окну и остановился, глядя на людей, направлявшихся в церковь, в юбках, задранных до середины голени, с зонтиками, источавшими слёзы. Колокол перестал звонить, и на улицах воцарилась тишина. Затем я позабавился, наблюдая за дочерьми торговца напротив, которые, не выходя из дома из-за боязни намочить свои воскресные наряды, демонстрировали свои прелести перед окнами, чтобы очаровать случайных постояльцев гостиницы. В конце концов бдительная мать с кислым лицом отозвала падчериц прочь, и мне больше нечем было развлечься.

Что мне было делать, чтобы скоротать этот бесконечно долгий день? Я был ужасно нервозен и одинок; а в гостинице всё как будто рассчитано на то, чтобы сделать скучный день невыносимым. Старые газеты, пахнущие пивом и табачным дымом, которые я уже перечитал с полдюжины раз, — ни на что не годные книги, от которых было хуже, чем от дождливой погоды. Я до смерти заскучал, читая старый том «Дамского Журнала». Я читал имена честолобивых путешественников, выцарапанные на оконных стёклах: вечные фамилии Смитов, Брау-

нов, Джексонов, Джонсонов и всех остальных сыновей; и я расшифровал несколько обрывков утомительной поэзии на витринах гостиниц, с которыми встречался во всех уголках мира. День по — прежнему был хмурым; по небу тяжело плыли неопрятные, рваные, как губка, облака; даже дождь не приносил разнообразия: это было одно унылое, непрерывное, монотонное «тук — тук-тук», только время от времени меня оживляла мысль о быстром ливне, о том, что дождь не прекращался, о каплях, падающих на пролетающий мимо зонтик.

Было довольно приятно (если мне будет позволено употребить избитую фразу того времени), когда утром протрубил гудок и по улице промчался дилижанс, а пассажиры, сидевшие снаружи, облепили его со всех сторон, прячась под хлопчатобумажными зонтиками, сбившись в кучу и воняя перегаром, исторгая внутри пар от мокрых спортивных костюмов и верхней одежды фирмы «Бенджамин». На этот звук из своих укрытий выскочили мальчишки-бродяги, и бродячие собаки, и рыжеволосый конюх, и это неопишное животное в кожаных сапогах, и все остальные бродяги, населяющие подворотни постоянных дворов; но суматоха была недолгой; карета снова тронулась в путь и мальчик, и собака, и конюх, и Бутс — все снова попрятались по своим норам; на улице снова воцарилась тишина, а дождь всё лил и лил. На самом деле не было никакой надежды на то, что погода прояснится; барометр показывал на дождь; черепашья кошка моей хозяйки сидела у камина, умываясь и потирая лапами уши; и, заглянув в альманах, я обнаружил зловещее предсказание, растянувшееся от верха страницы до низа на весь месяц: «ожидайте — сильного — дождя — около — на — этот — раз.»

Я был ужасно взвинчен. Казалось, что часы никогда не пролетят незаметно. Само тиканье часов стало раздражать. Наконец тишину в доме нарушил звон колокольчика. Вскоре после этого я услышал голос официанта у стойки бара: «Дородный джентльмен из номера 13 хочет позавтракать. Чай, хлеб с маслом, ветчина и яйца; яйца не должны быть слишком сильно прожарены».

В такой ситуации, как моя, важен каждый инцидент. Это был предмет для размышлений, представленный моему разуму, и богатое упражнение для моего воображения. Я склонен рисовать картины для себя, и в этот раз у меня были кое-какие зачатки для работы. Если бы о госте, живущем наверху, упомянули как о мистере Смите, или мистере Брауне, или мистере Джеконе, или мистере Джонсоне, или просто как о «джентльмене из номера 13», я бы ничего не понял. Я бы не придал этому значения, но «Дородный джентльмен!» — в самом названии было что-то неопишное-живописное. Оно сразу придавало образу масштаб; оно рисовало его в моём воображении, и воображение доделало первые наивные фантазии.

Он был тучен, или, как некоторые выражаются, крепок телом; по всей вероятности, поэтому он был в преклонном возрасте, а некоторые люди с возрастом становятся всё более и более крепкими. Судя по тому, что он завтракал довольно поздно и в своей комнате, это, должно быть, был человек, привыкший жить в своё удовольствие и не нуждающийся в раннем подъёме; без сомнения, это кругленький, румяный, крепкий пожилой джентльмен. Раздался ещё один резкий звонок.

Дородному джентльмену не терпелось поскорее приступить к завтраку. Он, по-видимому, был человеком влиятельным, «зажиточным в этом мире», привыкшим, чтобы ему быстро прислуживали, обладал отменным аппетитом и немного сердился, когда был голоден и время обслуживания растягивалось.

«Возможно, — подумал я, — он какой-нибудь лондонский олдермен, или, кто знает, может быть, он и в самом деле член парламента?» Завтрак был подан наверх, и на некоторое время воцарилось молчание; он, без сомнения, заваривал чай. Вскоре раздался резкий звонок, и, прежде чем на него успели ответить, раздался ещё один, ещё более резкий.

«Боже мой! Что за раздражительный, старый субъект!»

Официант в раздражении спустился вниз. Масло было прогорклым, яйца пережареными, ветчина пересоленной: — полный джентльмен, очевидно, был любителем вкусно поесть;

один из тех, кто ест и ворчит, заставляет официанта бегать трусцой и живёт в состоянии перманентной войны с домашними. Хозяйка вышла из себя. Я должен заметить, что она была бойкой, кокетливой женщиной; немного строптивой и в то же время очень хорошенькой, а муж у неё был такой же простофиля, как у всех строптивиц. Она резко одёрнула слуг за то, что они нерадиво подали такой скверный завтрак, но ни слова не сказала супротив тучного джентльмена, из чего я ясно понял, что он, должно быть, важный человек, имеющий право шуметь и устраивать беспорядки, хаос и скандалы в сельской гостинице. Принесли ещё яйца, ветчину и хлеб с маслом. Их, похоже, приняли более благосклонно; по крайней мере, жалоб больше не поступало. Не успел я обойти комнату для путешественников, как раздался ещё один звонок. Вскоре после этого в доме поднялся переполох и началось расследование. Тучный джентльмен потребовал газету «Таймс» или «Кроникл». Посему я принял его за вигу; или, скорее, из-за того, что он был таким абсолютным и властным там, где у него была возможность, я заподозрил в нём радикала. Я слышал, что Хант был крупным мужчиной; «Кто знает, — подумал я, — но это же сам Хант!»

Во мне начало просыпаться любопытство. Я спросил официанта, кто этот дородный джентльмен, из-за которого поднялся такой переполох и гвалт, но не смог получить никакой информации; казалось, никто не знал его имени. Владельцы оживлённых гостиниц редко задумываются об именах или занятиях своих временных постояльцев. Цвета пальто, фигуры или роста человека достаточно, чтобы предположить имя путешественника. Это либо высокий джентльмен, либо джентльмен-коротышка, либо джентльмен в чёрном, либо джентльмен в костюме табачного цвета, либо, как в данном случае, полный джентльмен с именем Дородный. Однажды найденное обозначение отвечает всем требованиям и избавляет от дальнейших расспросов.

Дождь — дождь-дождь! Безжалостный, непрекращающийся дождь! Невозможно высушить ногу за дверь, а внутри нет ни занятий, ни развлечений. Вскоре я услышал, что кто-то ходит у меня над головой. Это было в комнате толстого джентльмена. Судя по его тяжёлой походке, он был крупным мужчиной и стариком, судя по скрипучим подошвам.

«Он, без сомнения, — подумал я, — какой-нибудь богатый старик с квадратными носами, с правильными привычками, и сейчас после завтрака совершает разминку».

Теперь я читала все рекламные объявления о карете и гостиницах, которые висели на каминной полке. Дамский журнал стал для меня отвратителен; он был таким же скучным, как и сам день. Я побродила по дому, не зная, что делать, и снова поднялась к себе в комнату. Я пробыл там недолго, когда из соседней спальни донёсся вопль. Дверь распахнулась и громко хлопнула; горничная, которую я отметил за румяное, добродушное лицо, в сильном волнении сбежала вниз по лестнице. Этот полный джентльмен был груб с ней. Это мгновенно опровергло все мои умозаключения. Этот неизвестный не мог быть пожилым джентльменом, потому что пожилые джентльмены не склонны так скандалить с горничными. Он не мог быть молодым джентльменом, потому что молодые джентльмены не склонны вызывать такое негодование. Он, должно быть, был мужчиной средних лет и к тому же ужасно некрасивым, иначе девушка не отнеслась бы к этому с таким ужасным негодованием. Признаюсь, я был крайне озадачен. Через несколько минут я услышал голос своей квартирной хозяйки. Я поймал её взгляд, когда она, топая, поднималась по лестнице; её лицо сияло, чепец развевался, а язык болтался всю дорогу.

«Она бы не допустила такого в своем доме, она бы это гарантировала! Если бы джентльмены свободно тратили деньги, это не было бы правилом. Она бы не допустила, чтобы с её служанками обращались подобным образом, когда они заняты своей работой, вот чего она бы не допустила!»

Так как я терпеть не могу ссор, особенно с женщинами, и особенно с хорошенькими женщинами, я прокрался обратно в свою комнату и слегка прикрыл дверь; но моё любопытство было слишком раскошегарено, чтобы не прислушаться. Хозяйка бесстрашно направилась

к вражеской цитадели и вошла в неё, как буря и натиск одновременно: дверь за ней закрылась. Мгновение или два я слышал её визгливый голос в высоком шуме ветра. Потом шум постепенно стих, как порыв ветра на чердаке; потом раздался смех, и больше я ничего не слышал. Через некоторое время моя квартирная хозяйка вышла со странной улыбкой на лице, поправляя свою шапочку, которая немного съехала набок. Когда она спускалась по лестнице, я услышал, как хозяин спросил её, в чем дело; она ответила:

«Ничего особенного, просто эта девчонка дура».

Я больше, чем когда-либо, недоумевал, что же делать с этим непостижимым человеком, который мог привести в ярость добродушную горничную и с улыбкой прогнать сварливую квартирную хозяйку. Он не мог быть ни старым, ни сердитым, ни уродливым. Мне пришлось снова взяться за работу над его виртуальным портретом и нарисовать его совершенно другим. Теперь я решил, что это один из тех солидных джентльменов, которых часто можно встретить, расхаживающими с важным видом у дверей загородных гостиниц. Мокрые, весёлые ребята в носовых платках от Белчера, объем которых немного смягчается солодовыми напитками. Люди, повидавшие мир и принявшие присягу в Хайгейте; привыкшие к жизни в тавернах; разбирающиеся во всех уловках трактирщиков и в повадках грешных трактирщиц. Мелкие вольноотпущенники; которые расточительны в пределах гиней; которые обзывают всех официантов по именам, дразнят горничных, сплетничают с хозяйкой в баре и беседуют за пинтой портвейна или бокалом негуса после ужина.

Утро ушло на формирование этих и подобных им предположений. Как бы быстро я ни выстраивал одну систему убеждений, какое-нибудь неведомое движение полностью переворачивало её с ног на голову и снова приводило в смятение все мои мысли. Таковы побочные действия лихорадочного ума. Как я уже говорил, я был чрезвычайно взволнован, и постоянные размышления о заботах этого невидимого персонажа начали оказывать свое действие: я стал нервничать. Подошло время обеда. Я надеялся, что дородный джентльмен пообедает в номере для путешественников и я смогу, наконец, рассмотреть его поближе, но нет — он снова распорядился подать обед в свой номер. Что могло означать это уединение и таинственность? Он не мог быть радикалом; было что-то слишком аристократичное в том, чтобы таким образом отгородиться от остального мира и обречь себя на скучную компанию в дождливый день. И потом, он жил слишком хорошо для недовольного политика. Он, казалось, разглагольствовал о разнообразии блюд и сидел за бокалом вина, как весёлый друг привычный к хорошей жизни. Действительно, моим сомнениям на этот счет вскоре пришел конец, потому что не успел он прикончить свою первую бутылку, как я услышал, как он тихонько напевает какую-то мелодию; прислушавшись, я понял, что это «Боже, храни короля». Тогда стало ясно, что он не был радикалом, а был верным подданным; тот, кто становился преданным за бутылкой и был готов поддержать короля и конституцию, когда не мог поддержать ничего другого. Но кто бы это мог быть? Мои догадки стали путаться. Не был ли он какой-нибудь знатной особой, путешествующей в одиночестве?

«Бог знает! — сказал я, не в силах прийти в себя. — Может быть, это кто-то из королевской семьи, насколько я знаю, потому что все они солидные джентльмены!»

Погода по-прежнему была дождливой. Таинственный незнакомец не выходил из своей комнаты и, насколько я мог судить, не покидал своего кресла, поскольку я не слышал, чтобы он передвигался. Даже колыхание штор не беспокоило слух. Тем временем, по мере того как день клонился к вечеру, в «комнату для путешественников» стали заходить гости. Некоторые из тех, кто только что прибыл, вошли, застегнув на все пуговицы домашние костюмы; другие, разбредшиеся по городу, возвращались домой. Кто-то ужинал, а кто-то пил чай. Будь у меня другое настроение, я бы нашёл развлечение в изучении этого необычного класса людей. Особенно выделялись двое, которые были заядлыми туристами и были готовы ко всем постоянным шуткам других путешественников. У них была наготове тысяча колкостей для каме-

ристкой, которую они называли Луизой, Этелиндой и дюжиной других красивых имен, каждый раз меняя их и изумлённо посмеиваясь над собственной выходкой. Однако мои мысли были полностью поглощены этим тучным джентльменом. Он преследовал меня весь долгий день, и теперь я не мог оторваться от этого запаха. Вечер постепенно подходил к концу.

Путешественники по два-три раза перечитывали газеты. Некоторые уселись у очага и принялись рассказывать длинные истории о своих лошадях, о своих приключениях, о том, как они переворачивались и падали. Они обсудили кредитоспособность разных торговцев и разных гостиниц, и два остряка рассказали несколько отборных анекдотов о хорошеньких горничных и добрых хозяйках. Все это происходило в то время, когда они спокойно принимали то, что они называли «ночными колпаками», то есть крепкие стаканы с бренди, водой и сахаром или какой-нибудь другой смесью в этом роде; после чего они один за другим вызывали «Сапожки» и горничную и отправлялись спать в старых туфлях, переделанных в удивительно неудобные шлёпанцы. Остался только один мужчина — коротконогий, длиннотелый, тучный малый с очень большой головой песочного цвета. Он сидел в одиночестве со стаканом портвейна негус и ложкой; прихлебывал и помешивал, размышлял и прихлебывал, пока не осталась только ложка. Постепенно он заснул, выпрямившись в кресле, а перед ним стоял пустой стакан; и свеча, казалось, тоже заснула, потому что фитиль стал длинным, чёрным, с заостренным концом и погасил тот слабый огонек, который еще оставался в комнате. Царившее уныние было заразительным. Вокруг висели бесформенные, почти призрачные плащи ушедших путешественников, давно погруженных в глубокий сон. Я слышал только тиканье часов, глубокое дыхание спящих пьяниц и стук капель дождя, кап-кап — кап, падающих с карниза дома.

Церковные колокола пробили полночь. Внезапно тучный джентльмен начал расхаживать у меня над головой, медленно, взад и вперед. Во всем этом было что-то чрезвычайно ужасное, особенно для человека с моими нервами. Эти жуткие шинели, это гортанное дыхание и скрипучие шаги этого таинственного существа любого были готовы свести с ума. Его шаги становились все тише и, наконец, затихли вдали. Я больше не мог этого выносить. Я был доведен до отчаяния, как герой романа.

«Кем бы он ни был, — сказал я себе, — я его увижу!»

Я схватил ночную свечу и поспешил к номеру 13.

Дверь была приоткрыта. Поколебавшись, я вошёл: в комнате никого не было. За столом стояло большое кресло с широким подлокотником, на котором лежал пустой стакан и газета «Таймс», а в комнате сильно пахло сыром «Стилтон». Таинственный незнакомец, очевидно, только что удалился. Крайне разочарованный, я направился в свою комнату, которая была перенесена в переднюю часть дома. Проходя по коридору, я увидел пару больших сапог с грязными, натёртыми воском голенищами, стоявших у двери спальни. Они, несомненно, принадлежали неизвестному, но не стоило тревожить столь грозную личность в его логове; он мог выстрелить мне в голову из пистолета или из чего-нибудь похуже. Поэтому я отправился спать и полночи пролежал без сна в ужасном нервном состоянии; и даже когда я заснул, меня все еще преследовала во сне мысль о дородном джентльмене и его сапогах с набойками из воска. На следующее утро я проспал довольно долго и был разбужен каким-то шумом и суетой в доме, которые сначала не мог понять; пока, немного придя в себя, я не обнаружил, что от дверей отъезжает почтовая карета. Внезапно снизу раздался крик: «Джентльмен забыл свой зонтик! поищите зонтик джентльмена в номере 13!» Я тут же услышал, как горничная торопливо пробежала по коридору, и её пронзительный ответ:

«Вот он! Вот зонтик джентльмена!»

Таинственный незнакомец был уже готов тронуться в путь. Это был единственный шанс, который у меня когда-либо был, чтобы узнать его. Я вскочил с кровати, подбежал к окну, отдернул занавески и успел заметить спину человека, который садился в карету. Полы корич-

невого сюртука раздвинулись сзади, и я увидел широкий силуэт пары серых бриджей. Дверца закрылась.

«Все в порядке!» — было сказано, и карета отъехала, — и больше я ни йоты не видел от этого Дородного джентльмена!

Лесные Деревья

«Живая галерея старых деревьев».

Одна из любимых тем для хвастовства сквайра — это благородные деревья в его поместье, которые, по правде говоря, являются одними из лучших, которые я когда-либо видел в Англии. Есть что-то величественное и торжественное в широких аллеях, обсаженных величественными дубами, которые высоко задирают свои кроны и, кажется, превращают пешеходов под ними в пигмеев.

«Аллея из дубов или вязов, — замечает сквайр, — это настоящая колоннада, которая должна вести к дому истинного джентльмена. Что касается камня и мрамора, то их может вырастить любой желающий — это дело дня; но познакомьте меня с колоннадами, которые состарились и стали величественными вместе с нашей семьей, и по их величию можно судить о том, как долго жила эта семья».

Сквайр питает большое почтение к некоторым почтенным деревьям, покрытым седым мхом, которые он считает древней лесной знатью своих владений. Там есть развалины огромного дуба, который так сильно пострадал от времени и бурь, что от него почти ничего не осталось; хотя, по словам Кристи, он помнит, как в его детстве дуб был здоровым и пышущим здоровьем, пока в него не ударила молния. Теперь это просто ствол, с одной изогнутой веткой, уходящей ввысь, с одинокой зеленой веточкой на конце. Сквайр очень ценит это крепкое сооружение; он называет его своим знаменосцем и сравнивает с воином-ветераном, павшим в бою, но державшим свое знамя до последнего. На самом деле он приказал обнести этот дуб забором, чтобы максимально защитить от дальнейших повреждений. С большим трудом удаётся уговорить сквайра срубить хоть одно дерево в его поместье. На одни деревья он смотрит с почтением, как на то, что было посажено его предками; на другие — с какой-то отеческой нежностью, как на то, что было посажено им самим; и при этом испытывает некоторый трепет, разрушая несколькими ударами топора то, что создавалось столетиями. Признаюсь, в этом вопросе я не могу не сочувствовать доброму сквайру. Хотя я вырос в стране, изобилующей лесами, где деревья обычно считаются всего лишь обузой и их уничтожают без колебаний и угрызений совести, всё же я никогда не мог спокойно смотреть на то, как срубают прекрасное дерево. Поэты, которые от природы любят деревья, как и всё прекрасное, искусно пробудили к ним большой интерес, представив их обиталищами лесных божеств, так что у каждого большого дерева всегда есть свой ангел-хранитель, или нимфа, чьё существование было ограничено продолжительностью жизни зелёного гиганта. Эвелин в своей «Сильве» приводит несколько приятных и причудливых аллюзий на это суеверие.

«Так, — пишет он, — падение очень старого дуба с треском, схожим с раскатом грома, часто было слышно на расстоянии многих миль; хотя я иной раз вынужден неохотно соглашаться с ними, я не помню, чтобы когда-либо слышал стоны этих нимф (скорбящих о том, что их лишили их древних жилищ) без некоторого волнения и жалости.

И снова, упоминая о сильном шторме, опустошившем леса, он говорит:

«Мне кажется, я всё ещё слышу, я уверен, что я по-прежнему чувствую мрачные стоны наших лесов; недавний ужасный ураган повалил столько тысяч прекрасных дубов, повергнув деревья ниц, уложив их в жуткие позы, словно целые полки, павшие в битве от меча завоевателя, и сокрушив всё, что росло под ними. По официальным данным, — добавляет он, — только в одной части леса Дин повалено не менее трёх тысяч могучих дубов».

Я не раз останавливался в дикой местности Америки, чтобы понаблюдать за следами порыва ветра, который, казалось, обрушивался с облаков и прорывался сквозь чащу лесов, вырывая с корнем, сотрясая и ломая самые крепкие деревья и оставляя за собой длинный след

из камней и полное опустошение. Было что-то ужасное в огромном опустошении, произведенном этими гигантскими растениями; и, глядя на их великолепные останки, так грубо разорванные и изуродованные, брошенные безвременно погибать на их родной земле, я чувствовал сильную жалость, столь проникновенно выраженную Эвелин. Я также вспоминаю, как один путешественник с поэтическим складом ума рассказывал о том ужасе, который он испытал, увидев на берегах Миссури дуб невероятных размеров, который был как бы придавлен огромной дикой виноградной лозой. Виноградная лоза обвила ствол своими огромными ветвями, а затем обвилась вокруг каждой ветки и сучка, пока могучее дерево не засохло в её объятиях. Казалось, что Лаокоон безуспешно пытается вырваться из отвратительных объятий чудовищного Питона.

Это был лев джунглей и саванн, погибающий в объятиях болотного удава. Мне нравится слушать разговоры английских джентльменов о сельских проблемах и замечать, с каким вкусом и разборчивостью, с каким сильным, неподдельным интересом они обсуждают темы, которые в других странах доступны простым лесорубам или сельским земледельцам. Я слышал, как благородный граф описывал парковые и лесные пейзажи с знанием дела и чувством художника. Он подробно останавливался на форме и красоте отдельных деревьев в своём поместье с такой гордостью и технической точностью, как если бы обсуждал достоинства статуй в своей коллекции. Я обнаружил, что он даже преодолевал значительные расстояния, чтобы изучить деревья, которые прославились среди сельских любителей. Известно, что лошади обладают своими признанными достоинствами; и что в Англии есть такие лошади, которые пользуются большой известностью среди любителей деревьев, поскольку являются совершенными в своем роде. В таком вкусе есть что-то благородно простое и чистое: я думаю, это свидетельствует о нежной и щедрой натуре, о таком сильном пристрастии к красоте растительности и о дружбе с выносливыми и славными сынами леса. С этой частью сельской экономики связано величие замысла. Это, если позволите выразиться, героическая линия земледелия.

Это достойно либеральных, свободнорождённых, гордых и честолюбивых людей. Тот, кто сажает дуб, смотрит в будущее и сажает его для потомков. Ничто не может быть менее эгоистичным, чем это. Он не может рассчитывать на то, что будет сидеть в тени этого дуба или наслаждаться шелестом его кроны; но он радуется мысли о том, что жёлудь, который он зарыл в землю, вырастет в высокого гиганта и будет продолжать цвести, приумножаться и приносить пользу человечеству ещё долго после того, как он перестанет топтать его ногами. Это поитстине отцовская доля. Действительно, природа таких занятий такова, что они поднимают мысли над мирской суетой. Как говорят, что листья деревьев впитывают в себя все вредные свойства воздуха и делают атмосферу чище, так и мне кажется, что они вытягивают из нас все грязные и злые страсти и источают мир и человеколюбие. В лесных пейзажах есть безмятежное и неизменное величие, которое проникает в душу, расширяет и возвышает её, наполняет благородными порывами и мыслями. Древние и наследственные рощи, которые окружают этот остров, в большинстве своём полны историй.

Их преследуют воспоминания о великих душах прошлых эпох, которые искали в них отдохновения от бряцания оружием или государственных забот, или искали музу под их великодушную сенью. Кто может спокойно прогуливаться по величественным рощам Пенсхерста, где галантный, любезный, элегантный сэр Филип Сидни провел свое детство; или без нежности смотреть на дерево, которое, как говорят, было посажено в день его рождения; или бродить среди классических беседок Хагли; или может остановиться в уединении Виндзорского леса и посмотреть на дубы вокруг, огромные, серые и потрёпанные временем, как башни старого замка, и не чувствовать, что его окружает так много памятников вечной славы? Если рассматривать это в таком свете, то посаженные рощи, величественные аллеи и ухоженные парки имеют преимущество перед более пышными красотами естественной Природы. Ясно лишь,

что они изобилуют моральными ассоциациями и поддерживают интересную историю человеческого существования.

Таким образом, высокий и великодушный дух древнего народа обязан бережно относиться к этим священным рощам, окружающим особняки наших предков, и увековечивать их для своих потомков. Хотя я и республиканец по рождению и воспитан в республиканских принципах и привычках, я не испытываю раболепного почтения к титулованному положению только потому, что оно титулованное; но я верю, что в своих убеждениях я не грубиян и не фанатик. Я вижу и чувствую, как наследственное отличие, когда оно выпадает на долю щедрого ума, может возвысить этот ум до истинного благородства.

Одним из следствий наследственного положения, когда оно выпадает столь удачно, является то, что оно умножает обязанности и, так сказать, продлевает существование обладателя. Он не ощущает себя просто отдельным звеном в мироздании, ответственным только за свой краткий срок существования. Он с гордостью вспоминает о своём существовании и с честью продолжает его в будущем. Он живёт со своими предками и со своим потомством. Он считает себя ответственным и за то, и за другое. Поскольку он многое получил от тех, кто был до него, он чувствует себя обязанным многое передать тем, кто придёт после него. Его домашние дела, по-видимому, предполагают более длительное существование, чем у обычных людей; никто так не склонен строить и насаждать растения для будущих веков, как благородные духом люди, получившие свое наследие из прошлых веков. Поэтому я не могу не восхищаться той нежностью и гордостью, с которыми я наблюдал за английскими джентльменами, обладающими благородным темпераментом и высокими аристократическими чувствами, созерцающими эти великолепные деревья, которые, подобно башням и пирамидам, возвышаются посреди их наследственных земель.

Существует сходство между всей природой, живой и неживой: мне кажется, что дуб по гордости и мощи своего роста сравним со львом и орлом и по величию своих качеств напоминает героического и интеллектуального человека. С его мощной колонной, поднимающейся прямо к небесам, возвышающей свои пышные ветви над грязью земли и поддерживающей их в воздухе и ярком солнечном свете, он является символом того, каким должен быть истинный аристократ; прибежищем для слабых, убежищем для угнетённых, защитой для всех. беззащитных; защищающим их от ударов бури или палящих лучей произвола власти. Тот, кто таков, является украшением и благословением своей родины. Тот, кто не таков, злоупотребляет своими выдающимися преимуществами; злоупотребляет величием и процветанием, которые он извлёк из недр своей страны. Если разразятся бури и он будет повержен бурей, кто будет оплакивать его падение? Если он падёт под гнётом жестокой власти, кто будет роптать на его судьбу? — «Почему он копается в земле?»

Знаток Литературных Древностей

Печатные книги он презирает, как новинку нашего времени; но над рукописью он корпит вечно, особенно если обложка вся изъедена молью, а пыль образует круглые скобки между каждым слогом. — Микокосмография, 1638.

Сквайр, несмотря на свой старомодный нрав, пользуется большой симпатией и поддержкой священника, о котором я уже упоминал во время моего предыдущего визита в Холл и который выступает в роли своего рода семейного священника. Сквайр почти постоянно заботился о нём с тех пор, как они вместе учились в Оксфорде, ибо одно из особых преимуществ этих великих университетов заключается в том, что они часто связывают бедного учёного с богатым покровителем давними и прочувствованными узами, которые сохраняют их на всю жизнь, без обычных унижений, связанных с зависимостью и покровительством. Таким образом, под покровительством сквайра маленький пастор спокойно продолжал свои занятия. Прожив почти всю жизнь среди книг, и притом старых, он совершенно ничего не знает о мире, и его разум так же устарел, как сад в Холле, где все цветы разбиты на аккуратные клумбы, а тисы подстрижены в виде урн и павлинов. Его пристрастие к литературным древностям впервые проявилось в Бодлеанской библиотеке Оксфорда, где, будучи студентом, он провёл много часов, роясь в старых рукописях. С тех пор он в разное время посетил большинство любопытных библиотек Англии и обыскал многие соборы.

При всей его необычной и любопытной учёности в нём нет ничего от высокомерия или педантизма, но есть та искренняя серьёзность и бесхитростная простота, которые, по-видимому, присущи истинному любителю литературных древностей. Это смуглый, заплесневелый человек небольшого роста, с суховатыми манерами, но, когда речь заходит о его любимой теме, он оживляется и порой бывает даже красноречив. Ни один охотник на лис, рассказывающий о своей последней охоте, не был бы так воодушевлен, как достойный пастор, рассказывающий о своих поисках любопытного документа, который он искал из библиотеки в библиотеку, пока не обнаружил его в пыльном помещении капитула собора. Когда же он описывает какую-нибудь старинную рукопись с её богатыми иллюстрациями, толстым пергаментом кремового цвета, блестящими чернилами и ароматом монастырей, который, казалось, исходит от очередной инкунабулы, он с энтузиазмом парижского гастронома разглагольствует о достоинствах перигорского пирога или страсбургского паштета.

Его мозг, похоже, полностью поглощён любовными грёзами о великолепных старинных фолио в «шёлковых переплетах, тройных золотых полосах и тонированной коже, запёртых в провололочные футляры и защищённых от вульгарных рук простого читателя»; и, продолжая счастливые выражения гениального писателя, чьи «ослепительные глаза похожи на глаза восточных красавиц, смотрящих сквозь увеличительное стекло своей ревности.»

Однако у него есть большое желание читать подобные произведения в старых библиотеках и капитулах, к которым они принадлежат, поскольку он считает, что том, напечатанный типографскими буквами, лучше всего читается в одном из тех почтенных залов, где свет пробивается сквозь пыльные стрельчатые окна и расписные стёкла, и что досуг теряет половину своей пикантности, если отвлечься от соседства дубового книжного шкафа с причудливой резьбой и готического письменного стола. По его предложению сквайр обставил библиотеку в этом старинном стиле, а некоторые окна застеклил цветными стеклами, чтобы они могли освещать страницы любимых старинных авторов правильным образом.

Как мне сказали, пастор уже некоторое время обдумывает комментарий к «Стратту, Бранду и Дусу», в котором он намеревается уличить их в различных опасных ошибках в отно-

шении популярных игр и суеверий; работа, результаты которой сквайр ожидает с большим интересом. Он также является случайным сотрудником давно известного хранилища национальных обычаев и древностей, журнала «Gentleman's Magazine», и является одним из тех, кто время от времени наводит справки о каком-нибудь устаревшем обычае или редкой легенде; более того, говорят, что некоторые из его сообщений были по меньшей мере шести дюймов в длину. Он часто получает почтовые посылки из разных уголков королевства, содержащие заплесневелые тома и почти неразборчивые рукописи; удивительно, какая оживлённая переписка ведётся между любителями литературного антиквариата и как быстро растёт слава любого редкого тома или уникальном экземпляре, только что обнаруженном среди библиотечного хлама. Пастор сейчас занят больше обычного, он немного взволнован рекламой книги о мифологии средневековья, которая, как говорят, готовится к печати.

Маленький человечек уже давно собирает воедино все сказки о хобгоблинах, которые только может собрать, истории, иллюстрирующие суеверия прежних времен; и он очень боится, как бы этот грозный соперник не вышел на поле боя раньше него. Вскоре после моего прибытия в Холл я посетил дом священника в компании с мистером Брейсбриджем и генералом. Пастора не видели несколько дней, что вызвало некоторое удивление, поскольку он почти ежедневно бывал в Холле.

Мы застали его в кабинете — маленькой тёмной комнате, освещённой решётчатым окном, выходившим на церковный двор и затенённым кроной тисового дерева. Его кресло было окружено стопками фолиантов и тетрадей, сваленных на полу, а стол был завален книгами и рукописями. Причиной его уединения была недавно полученная работа, с которой он в восторге удалился от мира и заперся, чтобы спокойно насладиться литературным медовым месяцем. Никогда ещё воспитанница пансиона не поглощала страницы сентиментального романа или рыцарского романа «Дон Кихот» с таким восторгом, с каким маленький человечек пиroteвал на страницах этого восхитительного произведения. Это был библиографический тур Дибдина; произведение, рассчитанное на то, чтобы оказать такое же опьяняющее воздействие на воображение любителей литературных древностей, как приключения героев «Круглого Стола» — на всех истинных рыцарей; или рассказы о первых американских пилигримах — на пылкие умы того времени, наполняя их мечтами о мексиканских и перуанских рудниках и золотом царстве Эльдорадо.

Добрый пастор с нетерпением ждал этой библиографической экспедиции, считая её гораздо более важной, чем вояжи в Африку или на Северный полюс. С каким рвением он ухватился за историю этого предприятия! С каким интересом он следил за отважным библиографом и его оруженосцем-графиком в их авантурных странствиях по нормандским замкам и соборам, французским библиотекам, немецким монастырям и университетам, проникая в темницы рукописей на пергаментной бумаге и изысканно иллюстрированных молитвенников и открывая миру их красоту! Когда пастор закончил восторженный панегирик этому любопытнейшему и занимательнейшему произведению, он достал из маленького ящика стола рукопись, недавно полученную от корреспондента, которая привела его в печальное недоумение. Она была написана на нормандском французском, очень древними буквами, и настолько выцвела, что её почти невозможно было разобрать.

По-видимому, это была старинная нормандская застольная песня, которую, скорее всего, принёс кто-то из кутивших последователей Вильгельма Завоевателя. Почерк был достаточно разборчив, чтобы увлечь заядлого охотника за древностями в сомнительную погоню; то тут, то там он оказывался совершенно сбитым с толку, и тогда несколько слов, написанных ясно и разборчиво, снова наводили его на след. Таким образом, его водили за нос целый день, пока он не обнаружил, что полностью запутался. Сквайр попытался помочь ему, но тоже был сбит с толку.

Старый генерал некоторое время прислушивался к разговору, а затем спросил священника, читал ли он «Вакхические Песни» капитана Морриса, Джорджа Стивенса или Анакреона Мура. На другой отрицательный ответ: «О, тогда, — сказал генерал, многозначительно кивнув, — если вам нужна застольная песня, я могу предложить вам последнюю коллекцию — я не знал, что у вас есть склонность к такого рода вещам; и я могу одолжить вам «Энциклопедия Остроумия» в придачу ко всему остальному. Я никогда не путешествую без них; они отличное чтиво в гостинице. Нелегко было бы описать странное удивление и растерянность, появившиеся на лице священника при этом предложении, или те трудности, с которыми столкнулся сквайр, пытаясь объяснить генералу, что, хотя весёлые песни наших дней звучат всего лишь глупо в ушах мудрецов и не заслуживают внимания знатока., но на то и ученый человек, чтобы порошок держать сухим и всё же книга, написанная ничтожеством несколько сотен лет назад, сегодня является предметом самого серьёзного исследования, и её было довольно, чтобы поставить на уши целые колледжи.

С тех пор я много размышлял над этим вопросом и прикидывал, какова может быть судьба нашей современной литературы, когда будущие антиквары извлекут её по частям из-подхлама веков. Каким Магнусом Аполлоном, например, станет Мур среди трезвых богословов и пыльных схоластов! Даже его праздничные и любовные песни, которые сейчас просто оживляют наши светские мероприятия или доставляют удовольствие в наших гостиных, станут предметом кропотливого исследования и мучительного сопоставления. Сколько серьёзных профессоров будут потом тратить за полночь своё масло или ломать голову долгим утром, пытаясь восстановить чистый текст или проиллюстрировать биографические намеки из «Нюка, расскажи мне, — говорит Роза, — как целовались», и сколько засушливых старых книжных червей, подобных достойному маленькому пастору, отчаявшемуся после тщетных попыток заполнить какой-то фатальный пробел в «Фанни из Тиммола»! И не только такие изысканные авторы, как Мур, обречены жечь масло будущих антикваров. Многие бедные писаки, которых сейчас, по-видимому, отправляют в небытие кондитеры и торговцы сыром, затем воскреснут по частям и расцветут в осиянном учёном бессмертии.

В конце концов, подумал я, время — не такой уж неизменный разрушитель, как его представляют. Если он разрушает, то точно так же и тут же строит и возводит; если оно обедняет одно, то обогащает другое; само его разрушающее действие даёт материал для новых спорных произведений, а его ржавчина дороже самой дорогой позолоты. Под его умелой рукой мелочи приобретают значение; бессмыслица одного века становится мудростью другого; остроумца превращается в учёность университетского педанта, а старинный фартинг приобретает бесконечно большую ценность, чем современная гинейя.

Фермерский Дом

«Любовь и сено посеяны густо, но всходят одним чертополоха». —
БОМОНТ И ФЛЕТЧЕР

Мне так понравились истории, которые мне рассказывали о Джеке Тиббетсе, зарабатывавшем деньги наживой, что через день или два я уговорил мастера Саймона отвести меня к нему домой. Это был старомодный фермерский дом, построенный из кирпича, с причудливо изогнутыми трубами. Он стоял на небольшом отnose от дороги, с южной стороны, и своими окнами смотрел на мягкий зелёный луговой склон. Перед домом был разбит небольшой сад с рядом ульев, в которых жужжали пчелы среди клумб с душистыми травами и цветами. На садовом заборе висели тщательно вычищенные доильные бочки с блестящими медными обручами. Перед коттеджем росли фруктовые деревья, а на окнах стояли горшки с цветами. Толстый престарелый мастифф лежал на солнышке у двери, а на нём мирно спал гладкий кот. Мистера Тиббетса в то время не было дома, но его жена встретила нас с сердечным и домашним радушием; это замечательная женщина, заботливая мать и настоящий образец для подражания, поскольку, по словам мастера Саймона, она никогда не перечит честному Джеку и при этом всегда умудряется настоять на своём, чтобы таким образом, безо всяких усилий и крика, контролировать его во всём.

Она приняла нас в главной комнате дома, чем-то вроде гостиной или холла, с большими коричневыми деревянными балками поперёк, на что мистер Тиббетс склонен указывать с некоторым ликованием, замечая, что в наши дни в домах таких досок не кладут. Мебель была старомодной, прочной и отполированной до блеска; стены были увешаны цветными гравюрами, изображавшими историю Блудного сына, который на сей раз был изображён в красном камзоле и кожаных штанах. Над камином висел мушкетон и портрет Джека-Бездельника, отделанный, когда он был молодым, тем же художником, который нарисовал вывеску таверны; его мать считала, что Тиббеты имеют такое же право на галерею семейных портретов, как и он сам, да и все люди в Холле. Добрая хозяйка страстно уговаривала нас перекусить и угощала разнообразными домашними деликатесами, так что мы были рады дополнить трапезу дегустацией её домашних вин. Пока мы были там, домой вернулся сын и наследник престола — симпатичный молодой человек, своего рода деревенский щёголь.

Он провёл нас по помещению и показал всё заведение. Повсюду царила атмосфера домашнего уюта, но в то же время изобилия; всё было сделано из лучших материалов и находилось в отличном состоянии. Ничто не стояло не на своих местах и ничто не было сделано некачественно; и вы повсюду видели признаки человека, который заботился о том, чтобы его деньги стоили того, что он делал, и который платил по ходу дела и по чести. Фермерский двор был забит до отказа; под навесом в полном порядке стояла запряжённая телега, в которой Джек-Кассир возил свою жену по окрестностям. Из конюшни доносилось ржание его сытого коня, а когда его вывели во двор, он, по словам юного Джека, «сиял, как бутылка», ибо, по его словам, старик взял за правило, чтобы всё вокруг него было так же хорошо, как и у него самого.

Мне было приятно видеть, с какой гордостью молодой человек относился к своему отцу. Он поведал нам несколько деталей о своих привычках, которые во многом совпадали с теми, о которых я уже упоминал. Он никогда в жизни не терпел, чтобы у него открывался счет, и всегда вносил деньги, прежде чем что-либо купить, и, если было возможно, расплачивался золотом и серебром.

Он испытывал сильную неприязнь к бумажным деньгам и редко обходился без значительной суммы в золоте. Когда я заметил, что удивительно, как его до сих пор никто не подстерг и не ограбил, молодой человек улыбнулся при мысли о том, что кто-то отважится на такой

подвиг, поскольку, по-моему, он считает, что старик мог бы справиться с Робин Гудом и всей его бандой. Я заметил, что мастер Саймон редко заходит в какой-либо дом без того, чтобы не поговорить наедине с кем-нибудь из членов семьи, являясь своего рода универсальным советчиком и доверенным лицом. Мы недолго пробыли на ферме, прежде чем старая дама отвела его в уголок своей гостиной, где они долго совещались шепотом; и по тому, как он пожимал плечами, я понял, что обсуждались какие-то сомнительные вопросы, а по его кивкам — что он соглашался со всем, что она говорила.

После того как мы вышли, молодой человек проводил нас на некоторое расстояние, а затем, отведя мастера Симона в сторону, в зелёную аллею, они гуляли и разговаривали почти полчаса. Мастер Саймон, обладающий обычной для доверенных лиц склонностью разбалтывать всё первому встречному, сообщил мне, что речь идет о любовной связи: молодой человек был очарован Фиби Уилкинс, хорошенькой племянницей экономки из Холла. Как и большинство других любовных проблем, это принесло свои беды и затруднения.

Тётушка Тиббетс уже давно была в близких отношениях с экономкой, которая часто наведывалась на ферму, и охотно сплетничала об этом, но когда соседи заговорили с ней о возможности брака её сына с Фиби Уилкинс, она решительно отвергла саму идею. Девушка служила горничной у леди, и это было ниже достоинства Тиббетов, которые с незапамятных времён жили на своих землях и никому не были обязаны почтением и благодарностью, — чтобы наследник женился на служанке!

Эти сплетни были добросовестно доведены до сведения экономки одним из их общих друзей-посредников. Кровь старой экономки, если и не такая древняя, была такой же бурной, как у леди Тиббетс. Она привыкла гордо держать голову в Доме и среди деревенских жителей, и её выпцветшая парча шуршала от негодования, вызванного пренебрежительным отношением к ней со стороны жены мелкого фермера. Она утверждала, что её племянница была скорее компаньонкой, чем камеристкой у молодых леди.

«Слава богу, ей не приходилось зарабатывать себе на жизнь, и она была такой же праздной, как любая молодая леди в стране; а когда кто-нибудь умирал, получала то, что стоило бы внимания некоторых людей, со всеми их наличными деньгами».

Таким образом, между двумя достойными дамами разгорелась ожесточённая вражда, и молодым людям было запрещено думать друг о друге. Что касается юного Джека, то он был слишком влюблён, чтобы рассуждать на этот счёт, а будучи немного вспыльчивым и не испытывая особого благоговения перед матерью, был готов пожертвовать всем достоинством семьи Тиббетов в угоду своей благородной страсти.

Однако недавно он сильно поссорился со своей любовницей из-за некоторого кокетства с её стороны и в настоящее время держался в стороне. Мать-великий политик использовала всю свою изобретательность, чтобы расширить случайно образовавшуюся брешь и засыпать туда соли и перца; но, как это чаще всего бывает, чем больше она вмешивалась в эту порочную склонность сына, тем больше та крепла. Тем временем олд Ридди-Мани держался в полном неведении; обе стороны пребывали в благоговейном страхе и неуверенности относительно того, как он отнесётся к этому делу, и боялись разбудить спящего льва. Таким образом, между отцом и сыном у достопочтенной миссис Тиббетс было полно дел, и она была в полной растерянности. Правда, не было большой опасности, что честный человек с наличными деньгами узнает об этом, если предоставить его самому себе; ибо нрав у него был в высшей степени подозрительный и отнюдь не пугливый, но каждый день существовал риск привлечь его внимание к тому клубку паутины, которую его неутомимая жена постоянно плела у него перед носом. Таково было слегка рассеянное состояние политики во внутренней империи Джека, где вопрос денег просто не мог стоять, ит которое только показывает интриги и внутренние опасности, которым подвержены правительства даже с самым наилучшим правлением и администрированием. В этой запутанной ситуации, в которой оказались их дела, и мать, и сын обратились за

советом к мастеру Саймону; и, несмотря на весь его опыт вмешательства в дела других людей, ему было чрезвычайно трудно согласиться с обеими сторонами, поскольку их мнения и желания были абсолютно диаметрально противоположны.

Симптомы Влюблённости

*Теперь я начну вздыхать, читать поэтов, буду бледнеть,
аккуратно ходить и, по всей видимости, буду влюблен. —
МАРСТОН.*

Я не удивлюсь, если у нас в Холле появится еще одна пара черепашек, потому что мастер Саймон сообщил мне по секрету, что подозревает генерала в каких-то замыслах относительно чувствительного сердца леди Лилликрафт. Я действительно заметил растущее внимание и любезность ветерана по отношению к её светлости; он очень смягчается в её обществе, сидит рядом с ней за столом и развлекает её длинными историями о Серингапатаме и приятными анекдотами о клубе Маллигатони. Я даже видел, как он преподнес ей распутившуюся розу из оранжереи, проявив при этом самую подкупающую галантность, и это было принято с большой учтивостью и изяществом, ибо её светлости доставляет удовольствие получать знаки уважения и внимания от представителей сильного пола. Действительно, генерал был одним из первых поклонников, которые увивались за ней в шлейфе во время недолгого расцвета её красоты; и они флиртовали вместе в течение половины сезона в Лондоне, примерно тридцать или сорок лет назад.

Недавно, в ходе разговора о былых временах, она напомнила ему о тех величавых временах, когда он ездил верхом на белой лошади и так галантно скакал рядом с её экипажем в Гайд-Парке; после чего я заметил, что с тех пор ветеран регулярно сопровождает её, когда она выезжает на прогулку. верхом на лошади; и, я подозреваю, он почти убеждает себя, что выглядит так же очаровательно, как и в дни своей юности. Было бы интересным и запоминающимся событием в «Хрониках Купидона», если бы эта искра нежной страсти, дремавшая так долго, снова разгорелась в пламя из пепла двух давно сгоревших и потухших сердец. Это был бы пример непреходящей верности, достойный того, чтобы его поместили рядом с теми, что описаны в одном из любимых томов сквайра, в память о постоянстве старых времен; в те времена, как нам говорят, «Мужчины и женщины могли любить друг друга семь лет, и не было между ними страстей, и тогда были любовь, истина и фейтфулнес; и вот, во времена короля Артура слово „любовь“ употреблялось именно так».

Однако, возможно, это всего лишь лёгкий, почтенный флирт, поскольку генерал — бывалый кутила, а добрая леди привыкла к такого рода знакам внимания. Мастер Саймон, с другой стороны, думает, что генерал смотрит по сторонам настороженным взглядом старого воина, и теперь, когда его силы идут на убыль, ему хочется перебраться на тёплые зимние квартиры. Однако следует принять во внимание беспокойство мастера Саймона по этому поводу, поскольку он рассматривает дом леди Лилликрафт как одну из своих крепостей, где он является полновластным хозяином; и, при всем его восхищении генералом, я сильно сомневаюсь, что он хотел бы видеть его повелителем леди и всего истеблишмента. Тем не менее, есть некоторые другие симптомы, которые придают правдоподобие намёкам мастера Саймона. Так, например, я заметил, что генерал очень усердно ухаживает за собаками её светлости и несколько раз подвергал свои пальцы неминуемой опасности, пытаясь погладить красавицу по голове. Остаётся надеяться, что его заигрывания с хозяйкой будут восприняты более благосклонно, поскольку на все его попытки приласкать вредная маленькая дворняжка отвечает настороженным блеском в глазах и самым ядовитым рычанием. Более того, он был очень любезен с горничной миледи, безукоризненной миссис Ханной, о которой он обычно отзывался так, что я предпочитаю не упоминать. Не могу сказать, питает ли она те же подозрения к мастеру Саймону или нет, но она принимает его любезности не лучше, чем неумолимая красавица; она растягивает губы в самой кисло-сладкой, если не вовсе сказать, кислой, ухмылке

и смотрит так, словно готова откусить от него кусок. Короче говоря, бедному генералу, похоже, приходится иметь дело с такими же грозными врагами, как и герою древней сказки; которому пришлось пробиваться к своей заколдованной принцессе сквозь свирепых монстров всех мастей и столкнуться с серными ужасами какого-то огненного дракона. Есть ещё одно обстоятельство, которое заставляет меня в значительной степени доверять подозрениям мастера Саймона. Леди Лилликraft очень любит цитировать стихи, и разговор часто заходит о них, и в таких случаях генерал начинает заикаться, спотыкаться и в конце концов совершенно вылетает из колеи.

На днях случилось так, что «Королева Фей» Спенсера была темой для обсуждения большую часть утра, и бедный генерал сидел в полном молчании, налившись кровью и вспотев от макушки до кончиков ног.

Вскоре после этого я нашёл его в библиотеке, он крепко спал, на носу у него были очки, в руках он держал книгу. При моём приближении он проснулся, сунул очки в карман и начал очень внимательно читать. Через некоторое время он положил на это место листок бумаги и отложил в сторону книгу, в которой, как я понял, была «Королева Фей». Мне было любопытно понаблюдать, как он продвигается в своих поэтических занятиях; но, хотя я неоднократно видел его с этой книгой в руках, я всё же обнаружил, что он не продвинулся дальше трёх-четырёх страниц; генерал был чрезвычайно склонен засыпать во время чтения. Соколиная охота.

Нет такого ястреба, который сидел бы на своем насесте, как
мантия,
Высоко ли он сидит или низко,
Но я измеряю его бегство поиском лани,
И знает всю свою добычу и весь свой рацион. —
СПЕНСЕР.

Улучшение общественного положения и прискорбный прогресс науки дают достойному сквайру несколько веских поводов для огорчений; среди них, я полагаю, нет ни одного, который вызывал бы у него более частые сожаления, чем неудачное изобретение пороха. Этим он постоянно объясняет упадок некоторых излюбленных обычаев и, по сути, общее падение всех рыцарских и романтических обычаев.

«Английские солдаты, — говорит он, — никогда не были такими, какими они были во времена арбалета и длинного лука; когда они зависели от силы руки, и английский лучник мог направить стрелу длиной в ярд в шальную башку врага.

Это были времена, когда в битвах при Кресси, Пуатье и Азенкуре французское рыцарство было полностью уничтожено английскими лучниками. Йомены тоже никогда не были такими, какими они были в мирное время, когда они постоянно упражнялись в стрельбе из лука, а стрельба из лука была любимым развлечением на каникулах.»

Среди других зол, последовавших за этим роковым изобретением пороха, сквайр называет полный упадок благородного искусства соколиной охоты.

«По сравнению с этим, — говорит он, — стрельба — это скрытный, коварный, одиночный вид спорта; но соколиная охота была галантным, открытым, солнечным развлечением; это был благородный вид охоты, вознесённый в небеса». «Более того, — говорит он, — по словам Брейтуэйта, это было величественное развлечение «возвышенных духом людей», ибо, как гласит старая валлийская пословица в этих песнях, «джентльмена можно узнать по его соколу, лошади и борзой».

В самом деле, редко можно было увидеть за границей кавалера без ястреба на кулаке, и даже знатная дама не считала себя полностью экипированной, отправляясь в путь, если на

ее изящной руке не было кисточки-gentel, которую держал Джессес. По словам одного старого писателя, в те славные времена считалось, что «дворянам вполне достаточно дунуть в свой рог и носить при себе своего ястреба», предоставив учиться поросли подлых людей».

Поэтому, зная хобби доброго сквайра, я не удивился, обнаружив, что среди различных развлечений прежних времен, которые он пытался возродить в своем маленьком мире, которым он правил, он уделял большое внимание благородному искусству соколиной охоты. В этом ему, конечно, помогал его неутомимый помощник, мастер Саймон; и даже пастор пролил значительный свет на их труды, используя различные намеки на эту тему, которые он встречал в древнеанглийских трудах. Что касается драгоценной работы этой знаменитой дамы, Джулианы Барнс, «Академия джентльмена» Маркхэма; и другие известные трактаты, служившие наставлениями для древних спортсменов, они знают как свои пять пальцев; но особенно тщательно они изучали какой-то старинный гобелен в доме, на котором изображена группа кавалеров и статных дам в камзолах, шапочках и с развевающимися перьями верхом на лошадях, с пешими сопровождающими, все в оживленной погоне за игрой. Сквайр не разрешал убивать ястребов в округе, но щедро вознаграждал всех, кто попадался ему живым, так что в Зале было полно всевозможных хищных птиц.

На них они с мастером Саймоном потратили все свое терпение и изобретательность, пытаясь, как это называется, «вернуть» их и подготовить к занятиям спортом, но они постоянно сталкивались с препятствиями и разочарованиями. Из их пернатой школы вышли самые неподатливые и бесталанные ученики; и не в последнюю очередь их заботило обучение слуг, которые должны были выполнять при них обязанности привратников и непосредственно присматривать за этими строптивыми птицами. И старый Кристи, и егерь на какое-то время воспротивились этому плану воспитания; Кристи был возмущен, услышав, что то, что он называет погоней за дикими гусями, приравнивают к охоте на лис; а егерь всегда привык смотреть на ястребов как на отъявленных браконьеров, которых в его обязанности входило отстреливать и в ужасе пригвождать к хозяйственным постройкам. В конце концов Кристи взял это дело в свои руки, но своим вмешательством причинил ещё больше вреда. Он так же уверен в себе и заблуждается по этому поводу, как и по поводу охоты.

Мистер Саймон постоянно спорит с ним по поводу кормления и дрессировки ястребов. Он читает ему длинные отрывки из старых авторов, о которых я упоминал; но Кристи, который не умеет читать, питает глубокое презрение ко всем книжным знаниям и упорно обращается с ястребами в соответствии со своими собственными представлениями, которые он почерпнул из своего опыта, приобретенного в молодости при разведении дичи. Следствием этого является то, что из-за этих противоречивых систем бедным птицам приходится очень тяжело и несчастливо проводить свою хлопотливую жизнь.

Многие пали жертвами кормления Кристи и врачевания мастера Саймона, ибо последний приступил к работе *secundum artem* и делал им всё то, что предписано в книгах: никогда еще бедных ястребов так не кормили и не лечили, что явилось причиной их повышенной смертности и скверного тонуса.

Другие были потеряны из-за того, что их лишь наполовину «вернули», или приручили; потому что, выйдя на поле, они «сгребли» после игры так, что не слышали призыва, и никогда не вернулись в школу. Все эти разочарования были мелкими, но болезненными для сквайра, и заставили его разочароваться в общем успехе дела.

Однако недавно он был счастлив, заполочив прекрасного валлийского сокола, которого мистер Саймон называет «величественным птицеедом высокого полёта». Это подарок от друга сквайра, сэра Уоткина Уильямса Уинна, который, без сомнения, является потомком какого-нибудь древнего рода валлийских принцев воздуха, издавна владевших им в своем облачном королевстве, от Уиннстея до самой вершины Сноудена или вершины Пенманмора. С тех пор как сквайр получил этот бесценный подарок, ему не терпелось отправиться в поход и убедиться

в этом, как Дон Кихоту не терпелось испытать свои ржавые доспехи. Были высказаны некоторые сомнения относительно того, была ли птица в надлежащем состоянии здоровья и дрессировки, но они были отвергнуты страстным желанием поиграть с новой игрушкой; и было решено, правильно это или нет, в сезон или не в сезон, провести день в соколиной охоте, чтобы... завтра...

Зал, как обычно, когда сквайр собирается совершить очередную вылазку в своем хобби, и громогласно объявляет о своём решении, приходит в буйный восторг от этого события. Мисс Темплтон, которая воспитана в безусловном уважении ко всем выходкам своего опекуна, предложила составить компанию, а леди Лилликraft тоже поговорила о том, чтобы отправиться на место действия и понаблюдать за происходящим.

Это чрезвычайно обрадовало старого джентльмена; он приветствует такие симптомы, как самое благоприятное предзнаменование возрождения соколиной охоты и не отчаивается,

с силой библейских пророков продолжая верить в то, что придёт время, когда благородная леди снова будет гордиться тем, что носит с собой благородного сокола, предпочитая его попугаю или комнатной собачке.

Я с удовольствием наблюдал за суетливыми приготовлениями этого деловитого человека, мастера Саймона, и за постоянными замечаниями, которые он получал от этого настоящего перечника, старины Кристи. Они провели полдюжины консультаций о том, как подготовить ястреба к утреннему состязанию. Старина Нимрод, как обычно, всегда попадал впросак, на что мастер Саймон неизменно уступал, замечая добродушным тоном: «Ну, хорошо, будь по-твоему, Кристи, только не впадай в ярость»; ответ, который всегда крапива раздражает старика в десять раз больше, чем когда-либо.

Искусство Верховой Езды

В те дни карета была странным монстром, и это зрелище приводило в изумление и ужас и лошадь, и человека. Одни говорили, что это был огромный крабовый панцирь, привезённый оказией из Китая, а другие полагали, что это был один из языческих храмов, в которых канибалы поклонялись божеству. —

ТЕЙЛОР, ПОЭТ ВОДЫ

Я не раз вскользь упоминал об одном из престарелых слуг сквайра, старом охотнике Кристи. Я нахожу, что его раздражительный юмор является источником большого веселья для молодых людей в семье; оксонец, в частности, получает озорное удовольствие, время от времени незаметно задевая старика за живое, а затем снова его успокаивая, потому что старик всегда готов ошметиниться всеми булавками по спине, как дикобраз. Он ездит верхом на маститом охотнике по кличке Пеппер, который является его точной копией, — пьянящем скрещенном животном, обгладывающим плоть до костей; который кусается, лягается и выкидывает всевозможные злодейские трюки вместо того, чтобы быть четвероногим христианским паинькой. Он такой же крепкий и почти такой же старый, как его наездник, который ездил на нем с незапамятных времен, и, по сути, единственный, кто может с ним что угодно сделать. Иногда, однако, они по-настоящему ссорятся и спорят за господство, и тогда, как мне говорили, это похоже на фарс — наблюдать, как они оба потихоньку разгорячаются, раскошегариваются и за этим следует бессмысленное соперничество, потому что они хорошо знают повадки друг друга, и в искусстве дразнить и выводить из себя друг друга один стоит другого.

Однако, несмотря на эти отважные потасовки, ничто так не раздражает старину Кристи, как сомнения в достоинствах лошади, которые он отстаивает так же упорно, как верный муж отстаивает добродетели не в меру взбалмошной супруги, читающей ему нотации под занавес каждого вечера его бесценной жизни. Молодые люди называют старого Кристи своим «профессором верховой езды» и, объясняя это прозвище, посвящают меня в некоторые подробности того, как сквайр воспитывал своих детей. Во всех суждениях моего уважаемого хозяина есть странная смесь сумасшедшей эксцентричности и прибитого к земле здравого смысла. Его мышление похоже на современную готику, где простая кирпичная кладка дополняется стрельчатыми арками и причудливыми узорами. Хотя фундаментальная основа его взглядов верна, всё же у него есть тысяча маленьких представлений, почёрпнутых из старых книг, которые причудливым образом и с тарных смесей и сочетаниях всплывают на поверхность его сознания.

Таким образом, обучая своих мальчиков, он выбрал в качестве своих пособий Пичема, Маркэма и им подобных старых английских писателей. В раннем возрасте он забрал мальчиков из рук их матери, которая, как это свойственно матерям, была настроена вырастить из них хороших, аккуратных детей, которые должны были беречься Солнца и дождя, никогда не пачкать рук и не рвать одежду. Вместо этого сквайр отпустил их гулять по парку, не обращая внимания ни на ветер, ни на погоду. Он также уделял особое внимание воспитанию из них смелых и искусных наездников; и в те дни старый Кристи, охотник, пользовался большим авторитетом, так как мальчики были отданы под его опеку, чтобы он тренировал их на перекладинах и присматривал за ними во время охоты.

Сквайр всегда возражал против того, чтобы они ездили в экипажах любого типа, и до сих пор остался сильно упёрт в этом вопросе. Он часто выступает против повсеместного использования экипажей и цитирует слова честного Нэша по этому поводу.

«Считалось, — пишет Нэш в своём „Кватернио“, — что для молодого джентльмена в расцвете его лет было своего рода излишеством и проявлением женственности забраться в карету и укрыться от ветра и непогоды: нашим величайшим удовольствием было превзойти неистового Борея верхом на огромном коне; вооружаться и готовиться к выходу с Марсом и Беллоной на поле боя было нашим спортом и времяпрепровождением; кареты и коляски мы оставили тем, для кого они были впервые изобретены, для леди и джентльменов, дряхлых стариков и рыхлых импотентов».

Сквайр утверждает, что английские джентльмены во многом утратили свою выдержку и мужественность с тех пор, как появились экипажи.

«Сравните, — говорит он, — благородного джентльмена прежних времен, всегда сидевшего верхом, в сапогах и шпорах, в дорожных пятнах, но открытого, откровенного, мужественного и галантного, с благородным джентльменом наших дней, полным жеманства и женственности, катящим по шоссе в своём роскошном транспортном средстве. Молодые люди тех дней были смелы, возвышенны и великодушны в своих взглядах, потому что они почти жили в седле, а может быть, и родились на нём, а их пенящиеся кони были «подобны гордым морям под ними».

«Есть что-то такое, — добавляет он, — неизведанное и желанное, в том, чтобы ездить верхом на прекрасном коне, и это нечто заставляет человека чувствовать себя более чем смертной тварью. В этом состоянии он, кажется, удвигает свою натуру и добавляет к собственной храбрости и проникательности силу, быстроту и величавость великолепного животного, на котором сидит».

«Это великое наслаждение, — говорит старый Нэш, — видеть, как молодой джентльмен с его искусством и хитростью, с его голосом, плёткой и шпорами лучше справляется с великим Буцефалом, чем самый сильный Милон со всей его силой трусить, шагать и бегать рысцой и галопом по рингу; и один раз увидеть, как он заставляет свою кобылу резко выпрямиться; твёрдо держать голову; быстро бежать полным ходом; внезапно легко останавливаться; и ещё раз увидеть, как он заставляет её двигаться вперёд, ёрзать, пятиться и отклоняться в сторону, чтобы поворачиваться с обеих сторон, чтобы пустить потом галопом; делать каприоле, шамбетту и танцевать курветти.

В соответствии с этими представлениями сквайр с раннего детства сажал их всех верхом и заставлял скакать по округе, не останавливаясь ни перед изгородями, ни перед канавами, ни перед каменными стенами, подвергая свои шеи неминуемой опасности. Даже прекрасная Джулия была частично включена в эту систему и, следуя указаниям старой Кристи, стала одной из лучших наездниц в стране. Сквайр говорит, что это лучше, чем все косметические средства и подсластители дыхания, которые когда-либо были изобретены. Он перевозносит мастерство дам в верховой езде в прежние времена, когда королева Елизавета едва ли терпела бы, чтобы дождь мешал её привычным прогулкам верхом.

«А потом подумайте, — скажет он, — какими благородными и милыми существами они стали благодаря этому. Какая же должна быть разница, как душевная, так и телесная, между весёлой, жизнерадостной дамой тех дней, пышущей здоровьем и физическими упражнениями, освежающейся от каждого дуновения ветерка, гордо и грациозно восседающей в седле, с плюмажем на голове и ястребом в руке, и её потомком из сегодняшней день, бледной, как моль, жертвой раутов и бальных залов, томно развалившейся в углу изнуряющей жаром кареты.»

Система занятий конным спортом сквайра пользовалась большим успехом, поскольку его сыновья, пройдя весь курс обучения, и чудесным образом не сломав ни шеи, ни конечностей, теперь здоровы, энергичны и активны, и у них осталась прежняя, неискоренимая любовь истинного англичанина к лошади. Если отец хвалит их за мужественность и прямооту, он цитирует древнюю персидскую поговорку и говорит, что их учили «ездить верхом, стрелять и говорить правду».

Это правда, что оксонианец время от времени применял доктрины старого джентльмена на практике, доведя их до крайности. Он был весёлый юноша, больше любящий свою лошадь, чем книгу, и в нём осталось что-то от денди, хотя все дамы заявляют, что он «цветок общества». В первый год, когда его отправили в Оксфорд, к нему был приставлен наставник, который присматривал за ним, что было обычным делом в университете. Когда он вернулся домой на каникулы, сквайр задал множество вопросов о том, нравится ли ему колледж, учеба и наставник.

— О, что касается моего наставника, сэр, то я расстался с ним некоторое время назад.

— Неужели? И, скажите на милость, почему?

— О, сэр, в нашем колледже охота была в моде, а у меня немного не хватало средств, поэтому я уволил своего наставника и взял лошадь, знаете ли. Теперь она будет наставлять меня в высокой христианской добродетели, И не сомневайтесь, что это получится у неё лучше, чем у всех остальных.

— О, я не знал об этом, Том, — мягко сказал сквайр. Когда Том вернулся в колледж, его содержание было удвоено, чтобы он мог содержать и лошадь, и репетитора.

ХОКИНГ

*Парящий ястреб, из картины
«Кулак, который пробудился и уже летит»,
Её сокольный сдерживает,
Несколько раз пройдясь по земле,
Но надо снова найти его;
И ежели по звуку колокольца,
Он может видеть сокола вдали,
Ого-го! Он плачет от веселья,
И самый весельчак на свете — он. —
Горстка приятных мелочей.*

Сегодня рано утром в зале царил суета, готовясь к главному спортивному состязанию дня. На рассвете я слышал, как мастер Симон насвистывает и напевает под моим окном, когда он готовил мясо для ястребиных лапок, и время от времени мог различить строфу из одной из его любимых старинных песенок: «В мирное время, когда пес трубил в рог Сообщает, что олень убит; А маленький мальчик с трубкой из кукурузы пасет овец в поле», и т. д.

В большом зале был подан сытный завтрак с мясным ассорти. Весь гарнизон слуг и прихлебателей был в движении, подкреплённый добровольцами-бездельниками из соседней деревни.

Такое впечатление, что они узнают о грядущей забаве из разговоров ветра и шёпота ангелов в алкогольном бреду.

Лошадей водили взад и вперёд перед дверью; каждому было что сказать и чем заняться, и они сновали туда-сюда; слышался ужасный лай псов; одни из тех, что должны были сопровождать нас, рвались в путь, а других, которым предстояло остаться дома, подгоняли плетями в свои конуры.

Короче говоря, в кои-то веки особняк доброго сквайра можно было бы принять за хороший образец одного из рантипольских заведений старых добрых феодальных времен. Когда с завтраком было покончено, рыцари приготавились выступить в поход. Среди гостей была и прекрасная Джулия, одетая в охотничье платье, с легким плюмажем из перьев на шляпе для верховой езды. Когда она села верхом на своего любимого галлоуэя, я с удовольствием заметил, что старина Кристи забыл о своей обычной грубости и поспешил приладить ей седло и уздечку. Он прикоснулся к своей шапочке, когда она улыбнулась ему, и поблагодарил, а затем, оглядев других служителей культа, понимающе кивнул головой, в чём я прочёл горделивую уверенность и ликование по поводу очаровательной внешности его ученицы.

Леди Лилликрафт тоже решила понаблюдать за состязаниями. На ней была широкая белая шапочка, завязанная под подбородком, и амазонка для верховой езды прошлого века. Она ехала верхом на своем лоснящемся, идущем иноходью пони, который двигался легко, как кресло-качалка; её галантно сопровождал генерал, который был до того похож на одного из отважных героев старых времён, как будто только что выскочил из гравюры, изображающих битву при Бленхейме. Пастор тоже сопровождал её с другой стороны, ибо это было ученое развлечение, к которому он проявлял большой интерес и, действительно, тут он давал много советов, основываясь на своём знании старых обычаев. Наконец, всё было улажено, и мы выехали из Холла. Прогулка верхом всегда поднимает настроение, и сцена выезда была весёлой и оживлённой. Мисс Темплтон сопровождали молодые члены семьи. Она легко и грациозно сидела в седле, её плюмажи танцевали и развевались в воздухе; и вся эта группа производила очаровательное впечатление, когда они появлялись и исчезали среди деревьев, двигаясь лёгким галопом с резвостью непроходящей щенячьей юности.

Сквайр и мистер Саймон ехали вместе, их сопровождал старый Кристи верхом на Пеппере. Последний держал ястреба на кулаке, так как настаивал, что птица к нему больше всего привыкла. Там собралась пешая толпа, состоявшая из слуг из мэрии и нескольких профессиональных бездельников из деревни, с двумя или тремя спаниелями, чтобы начать игру. В арьергарде незаметно появилось нечто вроде резервного корпуса, состоявшего из леди Лилликрафт, генерала Харботтла, священника и толстого лакея. Её светлость неторопливо ехала верхом на своем пони, в то время как генерал, восседавший верхом на высоком охотничьем коне, взирал на неё сверху вниз с видом величайшей покровительственной галантности. Что касается меня, то, не будучи спортсменом, я держался с этой последней группой или, скорее, отстал, чтобы охватить взглядом всю картину; а пастор время от времени замедлял шаг и бежал трусцой вместе со мной. Забава привела нас на некоторое расстояние от Зала, на мягкий луг, благоухающий влажной весенней зеленью. По лугу протекала небольшая речушка, окаймлённая ивами, которые уже распустили свою нежную раннюю листву. Охотники караулили цапель, которые, как говорили, водились около этого ручья. Между лидерами этого вида охоты уже возникли некоторые разногласия.

Сквайр, мастер Саймон и старый Кристи время от времени останавливались, чтобы посоветоваться, как полевые офицеры в армии; и по определенным движениям головы я видел, что Кристи был так же уверен, как любой старый, недалёкий немецкий командир. Когда мы скакали по этому тихому лугу, на каждый звук, который мы издавали, отвечало отчётливое эхо, отражавшееся от залитой Солнцем стены старого здания, расположенного на противоположном берегу ручья; и я остановился, чтобы прислушаться к этому «духу звука», который, похоже, любит такую тишину и спокойствие. Красивые места расстилались перед нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.